

I.

Устраненіе съ кафедръ епископовъ, поставленныхъ патриархомъ Теофаномъ; причины покорности ихъ этому. Протестъ со стороны митрополита Исаіи Копинскаго. Различіе во взглядахъ и вообще въ міровоззрѣніи между митрополитами прежнимъ (Исаіею) и новымъ (Петромъ Могилою) и вытекавшія отсюда послѣдствія. Недоразумѣнія между Исаіею и Петромъ Могилою до избранія послѣдняго на митрополию. Заботы Петра Могилы, по избраніи его на митрополию, упрочить за собою оную. Столкновеніе съ Исаіею Копинскимъ; заключеніе его въ Лавру; отреченіе здѣсь Исаіи отъ митрополичьяго сана и возвращеніе въ Кіево-Михайловскій монастырь. Неожиданный отъѣздъ Исаіи изъ означеннаго монастыря. Жалобы его предъ королемъ на притѣсненія отъ Могилы. Избраніе на кіево-михайловское игуменство Филовея Кизаревича. Жалобы Исаіи по этому поводу передъ королемъ; письма послѣдняго по дѣлу Копинскаго: къ Петру Могилѣ, кіевскому воеводѣ и князю Вишневецкому. Свиданіе Петра Могилы съ Исаіею Копинскимъ въ Луцкѣ. Мнимая покорность Исаіи; новыя его жалобы на Могилу. Назначеніе королемъ слѣдственной комиссіи по этимъ жалобамъ. Удаленіе Исаіи въ Полѣсье. Слухи, распускаемые имъ между расположенными къ нему иноками о неправославіи Петра Могилы и предстоящихъ гоненіяхъ за вѣру. Бѣгство иноковъ и инокинь пограничныхъ монастырей въ Московское государство, какъ послѣдствіе этихъ слуховъ. Рѣзкая перемѣна въ отношеніяхъ къ Исаіи со стороны лубенскаго игумена Каллистрата; причины этого. Упреки Каллистрату со стороны прежнихъ его единомышленниковъ, бѣжавшихъ въ Москву. Свѣдѣнія о замыслѣ самого Исаіи бѣжать въ Московское государство; правдоподобіе этихъ свѣдѣній. Данныя для предположенія о послѣднихъ годахъ жизни Исаіи.—Неустойчивость мнѣній въ литературѣ о характерѣ отношеній между Петромъ Могилою и Исаіею Копинскимъ. Мнѣніе проф. Голубинскаго о вступленіи Петра Могилы на митрополию; несостоятельность этого мнѣнія. Выясненіе причинъ, побудившихъ православныхъ, по возстановленіи юридическихъ правъ своей церкви, избрать на митрополию и епископскія кафедры новыхъ іерарховъ. Основаніе признать крутыя мѣры Петра Могилы по отношенію къ Исаіи

Копинскому за печальную необходимость, вызванную дѣйствіями послѣдняго. — Протестъ игумена и иноковъ Пустынно-Никольскаго монастыря противъ Петра Могилы. Подчиненныя отношенія означенной обители Лаврѣ въ XVI и началѣ XVII столѣтій. Измѣненіе этихъ отношеній при игуменѣ Серапіонѣ Бѣльскомъ. Полученіе Петромъ Могилою привилегіи на управленіе Пустынно-Никольскою обителью; вооруженное занятіе имъ оной. Клятва митрополита на непокорныхъ иноковъ. Жалобы ихъ на Петра Могилу. Письмо къ послѣднему кіевскаго воеводы. Судебное дѣло по поводу занятія Петромъ Могилою Пустынно-Никольскаго монастыря и рѣшеніе онаго въ 1639 году. Нѣсколько заключительныхъ словъ.

Мы говорили, что православные южно-руссѣ, добившись на избирательномъ сеймѣ 1632 года возстановленія своей іерархіи въ смыслѣ оффиціального признанія ея правительствомъ, повидимому, своеобразно воспользовались полученнымъ ими правомъ: они не представили на утвержденіе короля своихъ наличныхъ (непривилегированныхъ) архипастырей, но озаботились избраніемъ новыхъ. Причины, побудившія православныхъ поступить такимъ образомъ, нами, по возможности, были выяснены въ первомъ томѣ настоящаго изслѣдованія (см. стр. 534—536)¹⁾. Всѣ наличные епископы, какъ то: Исаакій Борисковичъ, епископъ луцкій и острожскій, Паисій Ипполитовичъ, епископъ холмскій и бѣльскій, и Авраамій, епископъ туровскій и пинскій (исключаемъ львовскаго епископа Іеремію Тиссаровскаго, еще въ 1607 г., непосредственно послѣ избранія, утвержденнаго въ семь званія покойнымъ королемъ и потому остававшагося *statu quo*),²⁾

¹⁾ Новая соображенія по сему вопросу излагаются въ этой главѣ ниже.

²⁾ То обстоятельство, что Іеремія Тиссаровскій получилъ отъ короля Сигизмунда III привилегію на львовскую епископію (не смотря на извѣстный взглядъ польскаго правительства этого времени на православную іерархію), находить себѣ достаточное объясненіе въ докладной запискѣ (около 1621 г.) папскаго нунція Торреса о состояніи униатовъ и схизматиковъ (т. е. православныхъ), выдержку изъ которой см. въ *прилож.* къ докум. № III, стр. 17.—По данному вопросу къ приведенному въ означенной выдержкѣ свидѣтельству присовокупимъ свидѣтельство, идущее отъ лица строгаго православнаго и, до извѣстной степени, исправляющее неточности, вкравшіяся въ донесеніе Торреса. Въ житіи Іова Княгиницкаго, основателя скитской обители, составленномъ вскорѣ послѣ 1621 года, читаемъ: „Въ то время (въ началѣ 1607 года) преставися экзархъ великаго фрону константинопольскаго Геденъ Балабанъ, епископъ Львовскій... Егда же узрѣ (Іовъ Княгиницкій), яко ничтоже успѣваетъ (разумѣются старанія Іова, чтобы на осиротѣлую каеэдру избранъ былъ достойный, строгаго православный кандидатъ) и яко мало по благочестію

не заявили протестовъ по поводу удаленія своего съ кафедръ. Это можетъ быть объясняемо съ одной стороны тѣмъ, что они, въ виду совершившагося факта, сознавали бесполезность подобныхъ протестовъ и надлежащимъ образомъ понимали мотивы, руководившіе въ данномъ случаѣ православными, а съ другой—ихъ добрыми отношеніями къ новоизбранному митрополиту Петру Могилѣ и желаніемъ сохранить таковыя отношенія и на будущее время. Извѣстно, что вслѣдствіе непризнанія польскимъ правительствомъ западно-русской іерархіи, возстановленной патріархомъ Теофаномъ, положеніе православныхъ архипастырей въ предшествовавшее царствованіе (при Сигизмундѣ III) было крайне печальное и матеріально необезпеченное. Объявленные внѣ покровительства законовъ и преслѣдуемые латиноуніатскою партією, многіе изъ нихъ не могли безъ опасенія явиться въ свои епархіи: приходилось болѣею частію искать поддержку и пріютъ у благотворителей,—и есть основаніе думать, что эту поддержку, а по временамъ и пріютъ, доставляла имъ Кіево-Печерская лавра, не только до управленія ею Петра Могилы, но и за время его настоятельства здѣсь. Такъ, въ началѣ 1633 года мы видимъ Исаакія Борисковича пребывающимъ въ означенной обители, притомъ въ качествѣ ея строителя и намѣстника ³⁾. Пріютъ имѣлъ въ Лаврѣ и епископъ Авраамій, и тоже съ званіемъ ея строителя: съ этимъ званіемъ онъ упоминается въ одномъ документѣ отъ 11 декабря 1632

ревнителѣй обрѣтесе, прочіи же яко тростина вѣтромъ колеблени, и епископа избраша, право не доброе имяца, любовію Божією раждигаемъ, устремися къ Молдавіи, странствуя къ митрополиту (Іеремія Тиссаровскій былъ посвященъ яскимъ митрополитомъ), яко да не прежде рукоположитъ онаго, дондеже предъ многими свидѣтели и честнымъ и животворящимъ крестомъ и на святѣмъ Евангеліи обѣтъ съ клятвою сотворитъ, подъ анаеомою св. отецъ 318, иже въ Никей, и прочіихъ святыхъ соборовъ, иже бы не преклонила ко прелести и лжи“... и проч. („Зоря Галицкая яко альбумъ“. Львовъ. 1860 г., стр. 235; см. настоящаго изслѣдованія т. I, примѣч. къ документу № XXXV).

³⁾ Сохранился документъ отъ 13 марта 1633 года, заключающій разбирательство уполномоченными лаврскими иноками жалобы на подданныхъ Кіево-Печерской лавры. Документъ начинается такъ: „за волею и расказанемъ въ Бозе велебного его милости отца Исаакія, епископа луцкого и острожкого, а на тотъ часъ строителя и намѣстника монастыря печерского, на тую справу высажонными“... и проч. (Рукоп. акты Кіево-Михайл. монастыря, по катал. № 1757, докум. № 23). Подъ актомъ избранія Филовея Кизаревича игуменомъ Пустынно-Никольскаго монастыря, 30 декабря 1633 года, И. Борисковичъ подписался: „Исакій Борисковичъ, Епископъ Луцкій, старецъ, на сесь часъ строитель монастыря Печерского, рукою власною“ (см. настоящаго изслѣд. т. I. прилож.

года ⁴⁾. Кажется, бoльшую часть остальной своей жизни этотъ владыка и пребывалъ въ означенной обители; по крайней мѣрѣ, несомнѣнно, здѣсь онъ скончался ⁵⁾. О добрыхъ отношеніяхъ между Петромъ Могилою и Паисіемъ Ипполитовичемъ за время, ближайшее къ разсматриваемому нами событію, свидѣтельствуемъ, до извѣстной степени, грамота первого изъ нихъ по поводу бѣлячевскаго священника, за котораго ходатайствовалъ предъ митрополитомъ Ипполитовичъ ⁶⁾. Вообще же о добрыхъ отношеніяхъ къ нововозбранному митрополиту всѣхъ трехъ поименованныхъ епископовъ краснорѣчиво заявляетъ уже тотъ фактъ, что всѣ они, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе желанія и по вызову Петра Могилы, прибыли ко дню его посвященія на митрополию во Львовъ и принимали участіе въ самомъ посвященіи, придавши оному своимъ присутствіемъ особенную торжественность, а, главное, открыто засвидѣтельствовавши тѣмъ и свою покорность новому верховному архипастырю западно-русской церкви и свое подчиненіе совершившейся перемѣнѣ въ ихъ собственномъ положеніи.

Но не такъ отнесся къ означенной перемѣнѣ въ іерархическомъ положеніи западно-русской церкви главнѣйшій дотолѣ ея представитель—бывшій кievскій митрополитъ Исаія Копинскій. Онъ не прими-

№ ХСІІ, стр. 553). Въ предшествовавшихъ по времени документахъ, гдѣ встрѣчается подпись И. Борисковича,—напр., подъ документами 1628 г., помѣщенными въ *Аполліи Аполліи*, изд. въ 1628, подъ духовнымъ завѣщаніемъ митрополита Іова Борецкаго, 1 марта 1631 г. (см. *прилож.* къ 1 т. настоящаго изслѣд. № LXXI, стр. 399), подъ актомъ о соединеніи школъ Лаврской съ Кіево-братскою, 31 декабря 1631 г. (см. нашу „Исторію Кіев. Академіи, вып. I, *прилож.* стр. 71),—онъ подписывался только епископомъ луцкимъ и острожскимъ, *безъ указанія на должности, занимаемая имъ въ Лаврѣ*. Все это наводитъ на мысль, не пріютился ли онъ въ послѣдней послѣ совершившагося на избирательномъ сеймѣ 1632 г. переворота по отношенію къ высшей іерархіи, возстановленной патріархомъ Теофаномъ, и не было-ли это какъ бы наградою со стороны Петра Могилы старцу-епископу за его покорность неизбѣжнымъ обстоятельствамъ?

⁴⁾ Архивъ греко-ун. митроп. при Св. Синодѣ, связ. № 39 (Дѣло по жалобѣ межигорскихъ иноковъ на подданныхъ Кіево-Печ. монастыря).

⁵⁾ Въ бібліотекѣ Кіевск. дух. Академіи, (№ А. 827) вмѣстѣ съ греческій *Εβουλόγιον*, изд. 1622 г. На оборотѣ заглавнаго листа онаго находится слѣдующая *собственноручно* сдѣланная Петромъ Могилою замѣтка: „Престависъ Боголюбивый рабъ Божій Авраамій, Епископъ Стогонскій и Метеорскій, въ монастыру Печерскомъ, въ лѣто $\overline{\text{дхлм}} \text{ мѣд} \overline{\text{ю}} \overline{\text{н}}$ и оставилъ сію книгу“... (далѣе приписка другою позднѣйшею рукою: „Въ вивліюеику монастыря Брацкаго Кіевского въ вѣчную память“).

⁶⁾ См. *Прилож.* № XIII, стр. 53.

рился съ совершившимся фактомъ и не пожелалъ добровольно отказаться отъ своихъ митрополитанскихъ правъ. Объяснять протестъ Исаи Копинскаго противъ избранія на митрополию Петра Могилы однимъ честолюбіемъ, а тѣмъ болѣе желаніемъ удержать за собою первенствующее положеніе въ западно-русской церкви изъ-за выгодъ житейскихъ,—едва ли справедливо (безъ сомнѣнія, Петръ Могила почиталъ бы старца и матеріально обезпечилъ его). Недружественныя отношенія, въ кавія сталъ прежній митрополитъ къ новому, начались еще ранѣе означеннаго времени и имѣли болѣе глубокія основанія, коренившіяся въ характерѣ, міросозерцаніи, вообще во всемъ религиозно-нравственномъ и умственномъ обликѣ Исаи. Между Исаіей Копинскимъ и Петромъ Могилою было слишкомъ мало общаго. Правда, оба они были искренніе ревнители православія, но ревнители, шедшіе къ цѣли разными путями, нерѣдко расходившіеся въ своихъ взглядахъ до противоположности.

Въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій, когда замѣчается усиленное движеніе въ средѣ южно-русскаго общества къ огражденію православной церкви отъ враждебнаго натиска иновѣрныхъ вѣрній и поднятію ея на подобающую высоту, въ дѣятельности поборниковъ православія замѣтно выдѣляются два направленія, изъ коихъ одно можно назвать (употребляя современное выраженіе) *либеральнымъ*, другое—*консервативнымъ*.

Ревнители перваго направленія одну изъ главныхъ причинъ приращеннаго положенія православныхъ южно-руссовъ усматривали въ ихъ научной отсталости сравнительно съ сосѣдними иновѣрцами, въ недостаткѣ на Руси просвѣщенія. Отсюда и дѣятельность ревнителей этого направленія устремлена была къ возвышенію уровня просвѣщенія въ средѣ южно-русскаго общества, къ увеличенію его научныхъ силъ. Но такъ какъ надлежащихъ средствъ для этой цѣли не было не только на родинѣ, но сравнительно мало и въ тогочасной Греціи (не говоря уже о другихъ единовѣрныхъ государствахъ), то ревнители православія рѣшили обращаться за научною помощію къ своимъ религиознымъ противникамъ—католикамъ и (отчасти) протестантамъ. Въ виду этого, они, во-первыхъ, все чаще и чаще стали отправлять молодежь для завершения образованія въ коллегіи и университеты польскіе, а иногда и западно-европейскіе, славившіеся своею эрудиціею и удовлетворявшіе потребностямъ времени; а, во-вто-

рыхъ, при заведеніи и реформированіи собственныхъ школъ, начали мало-по-малу вносить въ ихъ учебные порядки и программы заимствованія изъ подручныхъ образцовъ означенныхъ коллегій. Правда, на первыхъ порахъ (въ концѣ XVI и началѣ XVII стол.) подобныя заимствованія были не велики, но это иногда зависѣло не столько отъ нежеланія ввести въ кругъ школьнаго преподаванія тотъ или другой предметъ въ большемъ объемѣ, по образцу иновѣрнаго, сколько отъ невозможности подыскать въ своей средѣ способныхъ для того преподавателей. Начавшееся ознакомленіе съ западно-европейскою наукою и неизбежныя связи съ учеными иновѣрцами, разумѣется, не могли не вліять какъ на міросозерцаніе православныхъ питомцевъ иностранныхъ школъ, такъ и на ихъ отношенія къ людямъ, среди которыхъ они воспитывались. Были случаи, что ревнители просвѣщенія, „отъ чуждаго источника піюще“, невольно заражались „смертоноснымъ ядомъ иновѣрія“ и измѣняли праотцевской вѣрѣ. Разумѣется, эти случаи—хотя и немалочисленные—были исключеніемъ. Большинство молодежи достигало предположенной цѣли: оставивши въ сторонѣ иновѣрныя идеи, освоилось съ научными приѣмами, господствовавшими въ польскихъ и заграничныхъ коллегіяхъ,—и по возвращеніи на родину, боролось противъ иновѣрія у него же заимствованнымъ оружіемъ. Но во всякомъ случаѣ, это большинство сравнительно съ своими соотечественниками, не вкусившими западно-европейскаго просвѣщенія, примирительнѣе относилось къ иновѣрцамъ, не чуждалось сближенія съ ними въ дѣлахъ житейскихъ, далеко не все осуждало у нихъ и даже по временамъ мечтало о возможности взаимобобщенія между церквами—православною и католическою, съ сохраненіемъ за первою завѣщанныхъ древностию особенностей въ ученіи, управленіи и обрядности. Къ такимъ передовымъ людямъ, въ лучшемъ значеніи этого слова, принадлежалъ и Петръ Могила. Будучи самъ по тогдашнему времени человѣкомъ всесторонне образованнымъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ пламенѣлъ любовью къ просвѣщенію и болѣе, чѣмъ кто-либо, сознавалъ настоятельную надобность въ возвышеніи научнаго уровня въ средѣ единовѣрныхъ ему южно-руссковъ. Въ невѣжествѣ, въ необученіи юношества и, особенно, духовныхъ лицъ онъ усматривалъ поношеніе русскаго народа, и мы знаемъ, что одною изъ главныхъ заботъ нашего іерарха, притомъ непосредственно по вступленіи его на кіево-печерскую архимандрію, было—обу-

словенное торжественнымъ обѣтомъ и вскорѣ же начатое приводится въ исполненіе — желаніе снять это поношеніе, — причесть, какъ извѣстно, въ основанныхъ имъ съ указанною цѣлью коллегіяхъ заимствованіе изъ программъ иностранныхъ школъ допускалось въ широкихъ размѣрахъ. Безъ фанатизма относился Петръ Могила и къ лицамъ инославныхъ вѣроисповѣданій: входилъ съ ними въ личныя сношенія, велъ переписку, не отказывался отъ ихъ содѣйствія въ своихъ дѣлахъ, и т. п.

Иначе смотрѣла на положеніе дѣлъ въ юго-западной Россіи и сообразно съ этимъ дѣйствовала партія консервативная. Одною изъ главныхъ причинъ бѣдственнаго состоянія православныхъ южно-руссовъ она признавала именно сближеніе ихъ съ иновѣрцами и, въ особенности, стремленіе заимствовать отъ послѣднихъ, какъ отъ „чуждаго православію источника“, просвѣщеніе. Имѣя во главѣ, преимущественно, подвижниковъ, прошедшихъ суровую иноческую школу и воспитанныхъ исключительно на древне-церковной письменности, партія эта вообще отрицательно относилась къ наукѣ свѣтской, какъ предмету суетному, могущему доставить (и то не всегда) только блага временныя, а для жизни вѣчной, для спасенія души, бесполезному и даже зачастую вредному, губельному. *Мудрость міра сею есть буйство предъ Богомъ.* Это изреченіе апостола, своеобразно понимаемое, служило для представителей консервативной партіи краеугольнымъ камнемъ, на которомъ они строили свои аргументы противъ широкой постановки научнаго образованія, доводя ихъ до крайнихъ предѣловъ. „Хитрорѣчіемъ—поучали они—простота и буяя премудрость безчестится, крестъ Христовъ поруганъ бываетъ“. — „Школы и науки латинскія—пропасть и погибель вѣчная; никто въ нихъ богоугодной воли не научить, але еще сопротивнымъ Христу быти показуеть. Здѣсь тайна и гнѣздо антихристово фундовано“. Поэтому при обученіи юношества предлагались такіе совѣты: „Въ первыхъ, ключь, или грецкую, или славенскую грамматику да учать. По грамматичѣ, во мѣсто лживое діалекты (съ бѣлаго черное, а съ чернаго бѣлое претворяти учащее), тогда бо учать богомолбнаго и праведнословнаго часословца; во мѣсто хитрорѣчныхъ силлогизмъ и велерѣчивое реторики, тогда учать богоугодно молебный псалтирь; во мѣсто философіи, надворнѣе и по воздуху мысль разумную скитатися зиждущее, тогда учать плачивый и смиренномудривый охтайхъ, а по

нашему церковнаго благочестія догматы, осмогласникъ; таже конечное и богоугодное предспѣяніе въ разумѣ, дѣльное богословіе... учать святую евангельскую и апостольскую проповѣдь съ толкованіемъ простымъ, а не хитрымъ“⁷⁾...

Однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей такого направленія былъ извѣстный южно-русскій полемистъ инокъ Іоаннъ Вишенскій, долгое время подвизавшійся на Аеоноѣ⁸⁾. Его рѣзкія и постоянныя нападки на „лакомящихся поганскимъ красномовнымъ Аристотелемъ“ и вообще латинского мудростію производили въ свое время тѣмъ болѣе впечатлѣніе, что сопровождались наглядными указаціями, какъ отъ латинской хитрости, обучавшіеся ей, „ересію себя поморили и отравили“.—Къ ревностнымъ сторонникамъ и единомысленникамъ Вишенскаго по данному вопросу принадлежалъ и митрополитъ Исаія Копинскій. Съ юныхъ лѣтъ ревностный инокъ, воспитавшійся преимущественно на сочиненіяхъ строго-аскетическаго со-

⁷⁾ См. настоящаго изслѣд. т. I. прил. № XVIII.

⁸⁾ Въ *прилож.* на стр. 36—44 помѣщено нами подъ документомъ № IX довольно обширное *примѣчаніе*, имѣющее въ виду „указать неточности, допущенныя при изданіи нѣкоторыхъ произведеній Іоанна Вишенскаго, и разъяснить недоразумѣнія въ нашей литературѣ, стояція въ тѣсной зависимости отъ означенныхъ неточностей.“ Примѣчаніе это напечатано было еще въ 1890 году. Затѣмъ оно вошло въ качествѣ отдѣльной статьи въ наши *Объяснительные параграфы по исторіи западно-русской церкви* (Кіев. Епарх. Вѣдом. за 1893 г. и отдѣльныя брошюры). Въ 1895 г. во Львовѣ изданъ довольно обширный трудъ, принадлежащій перу небезызвѣстнаго ученаго д-ра Франко, подъ заглавіемъ: *Іоаннъ Вишенскій и его твори* (стр. I — VII, 1—536 въ 16). Почтенному автору наши „Объяснительные параграфы“ извѣстны были только по названію, и онъ выражаетъ сожалѣніе, что не могъ своевременно ихъ достать. Трудъ г. Франко (довольно обстоятельный и въ общемъ полезный) открытъ для возраженій со многихъ сторонъ. Входитъ здѣсь въ разборъ положеній г. Франко, съ которыми мы несогласны, разумѣется, неумѣстно. Поэтому ограничимся замѣчаніями, имѣющими непосредственное отношеніе къ нашему примѣчанію.

а) Д-ръ Франко—какъ и мы—приходитъ къ заключенію, что „Посланіе къ князю Острожскому и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ“ не есть одно произведеніе Вишенскаго и, подобно намъ, разбиваетъ его на два, разновременна писанныя сочиненія (по-сланіа). Но почтенный ученый расходится съ нами относительно времени, когда составлено было послѣднее изъ означенныхъ произведеній, приурочивая его (приблизительно) къ 1608 г., слѣдовательно когда еще живъ былъ сынъ князя Константина—Василія Острожскаго Янушъ. Этому, какъ мы заявляли, противорѣчатъ слова посланія: „*Не скоро-ми исчезъ и пропавъ* (родъ князей Острожскихъ)? *А чѣмъ плода по себѣ не оставилъ?*“ Это противорѣчіе г. Франко ищется устранить предположеніемъ, что приведенныя слова нужно-де понимать не въ буквальномъ смыслѣ, но переносномъ, т. е., что князь

держанія⁹⁾, „работавшій Господу во вседневныхъ молитвахъ и постѣхъ“, —Копинскій, подобно Вишенскому, подозрительно относился къ новому вѣянію, выражавшемуся въ стремленіи получить образование при помощи иновѣрцевъ и, подобно ему, пренебрежительно относился къ наукамъ свѣтскимъ. Извѣстное его сочиненіе—*Алфавитъ духовный*—отличается мистико-аскетическимъ направленіемъ и несочувственно относится къ наукамъ свѣтскимъ. Хотя здѣсь мы читаемъ, что „аще кто истинно хочетъ познати Господа и съ нимъ любовію соединитися, да познаеть первѣе всего тварь видимую и разумѣваемую, да увѣсть всѣхъ вещей и всей твари разсмотрѣніе: отъ кого и чесо ради сія суть, во еже ни единой вещи утаеннѣй и недоумѣннѣй быти отъ него, тоже себе и все, еже о себѣ, таинство“,—но осуществленіе этой широкой программы зависѣло, по мнѣнію автора, „не точію отъ вѣшняго труда“, а преимущественно „отъ дѣланія

Константинъ-Василій Острожскій не оставилъ послѣ себя *православнаго плода*, ибо-де, если понимать означенныя слова буквально, выйдетъ несообразность: въ означенное время (до самой кончины Вишенскаго) плодъ князя Острожскаго не прекращался въ лицѣ женскаго поколѣнія (Анна Алоиза Ходкевичевна). Но такое объясненіе отличается натяжкой и принято быть не можетъ. Считаая излишнимъ ширить рѣчи по этому вопросу, ограничимся только указаніемъ на то, что наше пониманіе о времени прекращенія рода князей Острожскихъ вполне согласуется съ пониманіемъ о семь современниковъ событія. „Въ лѣто 1618,—читаемъ въ собственноручныхъ запискахъ Петра Могилы,—*въ нежее благочестивый родъ и племя княжатъ Острожскихъ скончася...* и проч. (Архивъ Юго-Зап. Рос, ч. I, т. VI, стр. 121).

6) *Новину или есть о обрѣтеніи тѣла убитаго Варлаама Архіепископа Охридскаго...*, авторскія права на которую Іоанна Вишенскаго, по нашему мнѣнію, должны быть значительно ограничены, г. Франко считаетъ первымъ самостоятельнымъ трудомъ означеннаго полемиста; но такъ какъ онъ дѣлаетъ это, какъ замѣчено и его рецензентомъ (имѣемъ въ виду рецензію д-ра Кирилла Студинскаго, въ V т. *Записокъ науковаго товариства імени Шевченка* за 1895 г.), „безъ певной реальной підстави“,—то и въ полемикѣ входитъ по данному вопросу возможности не представляется. Отмѣтимъ только, что самъ г. Франко считаетъ языкъ, которымъ написана *Новина*, совершенно отличнымъ отъ языка несомнѣнныхъ произведеній І. Вишенскаго: „Писавій вишь (т. е. *Новина*) стилемъ і язикимъ невправнимъ, шаблониовимъ, неподобнимъ до того, який стричаемо въ пізнійшихъ творахъ нашего автора“ (стр. 81).

9) Гдѣ получилъ образование Исаія Копинскій—неизвѣстно. Мнѣніе, якобы онъ воспитывался въ школѣ Ставропигійскаго братства во Львовѣ (*Исторія епископовъ трехъ соединенныхъ епархій, перемышльской, самборской и саноцкой, отъ найдавніишихъ временъ до 1744 года. А. Добрянскаго. Львовъ, 1893 г., стр. 62*), ни на чемъ не основано. Можно утверждать одно, что воспитаніе его было строго церковное.

умнаго и отъ храненія Господнихъ заповѣдей“.— „Мвятся и еретици и всѣ злѣ мудрствующіи быти премудри; но убо не пребываютъ, ниже пребыти хотятъ во истиннѣ, помрачаша бо въ разумѣ и ослѣпоша лжею: сего ради мудрость ихъ отвержена и поглощена бысть. Непріята есть мудрость со лжею, ниже философія съ неправдою: якоже и западнаго сословія любомудрцы, супротивная церкви мудрствующіи, истину въ неправдѣ содержаще, како пріяты имуть отъ Бога быти? Никакоже“. „Инь бо есть разумъ міра сего, инъ же духовенъ: духовнаго бо разума отъ Пресвятаго Духа учшася вси святіи и просвѣтишася яко солнце въ мірѣ; днесъ же не отъ Духа Свята, но отъ Аристотеля, Цицерона, Платона и прочихъ языческихъ любомудрцевъ разума учатся. Сего ради до конца ослѣпоша лжею и прельстишася отъ пути праваго въ разумѣ. Святіи заповѣдей Христовыхъ и умнаго дѣланія учшася, сіи же точію словесъ и глаголаній учатся: внутрь души мракъ и тма, на языкѣ жъ вся ихъ премудрость“¹⁰⁾.

Оба—ревнители православія, но столь разныхъ возрѣпій на средства къ достодолжному утвержденію онаго въ западно-русской церкви, Петръ Могила и Исаія Копинскій уже по тому одному не только не могли при своихъ дѣйствіяхъ идти рука объ руку, но, естественно, должны были въ извѣстныхъ случаяхъ противодѣйствовать одинъ другому. А такъ какъ оба они занимали въ южно-русской церкви видное іерархическое положеніе, вызывавшее ихъ къ обще-церковной дѣятельности, то поводовъ къ столкновенію между ними могло представляться немало. Такъ и было на самомъ дѣлѣ.

Тотчасъ же по избраніи Петра Могилы на кіево-печерскую архимандрію, когда онъ принялъ дѣятельное участіе въ задуманной Мелетіемъ Смотрицкимъ (и поддерживаемой митрополитомъ Борецкимъ, а также нѣкоторыми другими южно-русскими іерархами) попыткѣ къ примиренію съ латино-уніатами,—Исаія Копинскій энергично во-

¹⁰⁾ Нѣкоторые изслѣдователи (Аскоченскій, *Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академію*, ч. I, стр. 329; Добрянскій, *Исторія епископовъ трехъ соединенныхъ епархій*, стр. 67) приписываютъ И. Копинскому еще другое сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Лѣтвица духовнаго по Бозѣ ичюческаго жительства, содержащая въ себѣ тридцать три главы, тридцать три степени, трудолюбивъ составлена въ пользу душевную усердствующимъ и внимающимъ постническому жительству*. Но это недоразумѣніе: *Алфавитъ духовный* и *Лѣтвица* суть одно и то же сочиненіе.

оружился противъ этой затѣи и разослалъ по всѣмъ западно-русскимъ областямъ окружныя посланія съ призывомъ противодѣйствовать замыслу участвовавшихъ въ семь дѣлъ іерарховъ, причемъ убѣждалъ остерегаться послѣднихъ, избѣгать ихъ и вообще имѣть въ подозрѣніи относительно чистоты и искренности ихъ православія. Насколько правъ былъ Копинскій въ своемъ убѣжденіи относительно коварныхъ дѣйствій Смотрицкаго и насколько преувеличены были его опасенія относительно прочихъ іерарховъ, примкнувшихъ къ проекту послѣдняго о соглашеніи съ уніатами, это достаточно разъяснено нами въ I томѣ настоящаго изслѣдованія (см. гл. III.). Для нашей цѣли важно теперь констатировать только тотъ фактъ, что между означенными сторонниками этого соглашения (поставляя въ число ихъ на видное мѣсто и Петра Могилу) съ одной стороны и Исаіей Копинскимъ съ другой, отношенія должны были установиться обостренныя. При этомъ разногласіи между іерархами, сочувствіе народа, преимущественно низшихъ его слоевъ, было на сторонѣ Исаи. Когда князь Вишневецкій, въ имѣніяхъ котораго находились монастыри, подвластные Копинскому, вознамѣрился отнять ихъ у послѣдняго въ наказаніе за упомянутыя окружныя грамоты противящагося сближенію съ уніатами владыки,—за него энергично вступилось казачество, и намѣреніе князя не осуществилось. Открытый переходъ въ унію М. Смотрицкаго, оправдавъ опасенія Исаи въ отношеніи къ одному изъ обличаемыхъ имъ въ неправославіи владыкъ,—съ одной стороны, усилилъ въ средѣ православныхъ подозрѣніе относительно и прочихъ іерарховъ, хотя и отказавшихся отъ замысловъ Мелетія, но тѣмъ не менѣе скомпрометировавшихъ себя близкими съ нимъ связями,—а съ другой, еще болѣе возвысилъ въ глазахъ народа авторитетъ самаго Исаи, какъ строгаго ревнителя православія. Поэтому, когда 2 марта 1631 года скончался митрополитъ Борецкій, на его мѣсто „згоднѣ“ избранъ „былъ статечный въ вѣрѣ“ Исаія Копинскій, причемъ имени Петра Могилы мы не встрѣчаемъ даже въ числѣ кандидатовъ, предложенныхъ на кіевскую митрополію.

Вступленіе на первосвятительскую кафедру Исаи совпало съ усиленными заботами Петра Могилы объ устройствѣ коллегіи съ болѣе широкою постановкою преподаванія, чѣмъ какаѣ была въ тоговременныхъ южно-русскихъ школахъ. Еще митрополитъ Іовъ Борецкій, раздѣлявшій науколюбивыя стремленія кіево-печерскаго архимандрита,

на смертномъ одрѣ, съ особенною настойчивостію („подѣ неблагословеніемъ приказую“) выразилъ ему свою волю, „дабы школы въ братствѣ кіевскомъ, а негде индѣй фондваны были,“ поставляя это за первѣйшій и полезѣйшій пунктъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи. Такое желаніе Борецкаго, безъ сомнѣнія, вызывалось его близкими отношеніями къ Кіево-братской школѣ, гдѣ онъ до принятія монашества состоялъ ректоромъ, а также сознаніемъ неудобства раздѣлять научныя силы въ одномъ и томъ же городѣ между двумя учебными заведеніями, что могло влечь за собою нежелательныя послѣдствія. Петръ Могила не внялъ предсмертному завѣту дружественно расположеннаго къ нему святителя. Но открытіе имъ въ концѣ 1631 года своей коллегіи въ Кіево-Печерской лаврѣ встрѣчено было извѣстною частью общества крайне несочувственно и даже враждебно. „Было такое время—писалъ впослѣдствіи одинъ изъ наставниковъ новооткрытой коллегіи—что мы, исповѣдавшись, только и ждали, что вотъ начнутъ начинать нами желудки днѣпровскихъ осетровъ, или же того огнемъ, другого мечемъ отправятъ на тотъ свѣтъ“¹¹⁾. Это „веле гоненіе“ на коллегію воспослѣдовало „отъ неученыхъ поповъ и козаковъ;“ побужденіями къ нему были—расширенная Могилою программа преподаванія („на што латинское и польское училище заводите“?) и возбужденные толки о неправославіи наставниковъ коллегіи и склонности ихъ къ уни. О прямомъ участіи Исаи Копинскаго въ этомъ возмущеніи мы свѣдѣній не имѣемъ; но—и составъ лицъ, вооружившихся противъ коллегіи, и, въ особенности, высказанныя ими обвиненія противъ Могилы, а также приглашенныхъ въ Лавру наставниковъ, даютъ основаніе думать, что все это дѣло происходило не безъ вліянія новоизбраннаго митрополита. У послѣдняго (независимо отъ его всегдашнихъ возрѣній на латинскую науку) въ это время могли быть новыя поводы къ неудовольствію на Могилу. Мы разумѣемъ въ данномъ случаѣ тѣ обстоятельства, при которыхъ состоялось вступленіе Исаи Копинскаго въ управленіе Кіево-Михайловскимъ монастыремъ,—обстоятельства, по нашему мнѣнію, стоявшія въ связи съ указанными волненіями противъ Могилянской коллегіи.

Извѣстно, что Іовъ Борецкій и послѣ своего избранія на кіевскую митрополію продолжалъ настоятельствовать въ Кіево-Михайлов-

¹¹⁾ *Evangelis* С Коссова, изд. 1635 г.

скомъ монастырѣ. Этотъ же монастырь и доставлялъ ему главныя средства къ жизни. Естественно было ожидать, что, по смерти Борецкаго, его преемникъ по первосвятительской кафедрѣ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ его преемникомъ и по настоятельству въ означенной обители, тѣмъ болѣе, что послѣдняя представляла единственное въ то время удобное мѣсто для помѣщенія митрополита. Но случилось иначе. Иноки Кіево-Михайловскаго монастыря выбрали себѣ игуменомъ намѣстника Кіево-Печерской лавры Филоея Кизаревича—лицо (какъ показываютъ тоговременныя данныя), пользовавшееся особеннымъ довѣріемъ и покровительствомъ Петра Могилы. „Было ли это — какъ справедливо замѣчаетъ преосвященный Макарій—дѣломъ всей братіи или одной только партіи, во всякомъ случаѣ, дѣло не могло совершиться безъ воли Петра Могилы, безъ его разрѣшенія и распоряженія: потому что онъ былъ назначенъ, по завѣщанію Іова Борецкаго, опекуномъ Кіево-Михайловскаго монастыря.“ Далѣе преосв. Макарій поясняетъ, что, „въ сожалѣнію, это сдѣлано было не для того только, чтобы монастырь не перешелъ въ руки униатовъ (о чемъ послѣдніе хлопотали), но чтобы онъ не доставался и новоизбранному православному митрополиту ¹²⁾).

Хотя Филоея Кизаревичъ вступилъ уже въ управленіе Кіево-Михайловскимъ монастыремъ, но прибытіе въ Кіевъ козаковъ, усиливъ волненіе противъ Могилянской коллегіи, дало другой оборотъ дѣлу и о настоятельствѣ въ означенной обители. Подъ вліяніемъ численно увеличившихся сторонниковъ Исаи Копинскаго кіево-михайловскіе иноки, игнорируя состоявшееся уже избраніе во игумена Кизаревича, составили новый избирательный актъ, коимъ представлялось означенное мѣсто Копинскому. Въ виду тогдашняго настроенія въ обществѣ по отношенію къ могилянской партіи, нельзя не признать характернымъ въ упомянутомъ актѣ перечисленія достоинствъ преемника Іова Борецкаго, особенно цѣнимыхъ его избирателями. Послѣдніе говорятъ, что они издавна знаютъ Исаю Копинскаго, какъ чловека „въ животѣ побожномъ всѣмъ прикладного, а надъ то въ вѣрѣ святой благочестивой добрѣ свѣдомого, статечнаго и ни въ чемъ не подозрѣннаго“...¹³⁾. Филоея Кизаревичъ, опираясь на прежнее избра-

¹²⁾ Исторія Рус. церкви, т. XI, стр. 400.

¹³⁾ Акты Зап. Россіи, т. IV, № 281.

віе и поддержку Петра Могилы, не пожелалъ добровольно предоставить митрополиту Кіево-Михайловскую обитель, хотя и имѣлъ обезпеченное для себя мѣсто, продолжая состоять намѣстникомъ Кіево-Печерской лавры, да и вообще, какъ можно думать, въ матеріальныхъ средствахъ не нуждался¹⁴). Но теперь обстоятельства сложились не въ пользу могилянскои партіи. Лица, содѣйствовавшія избранію Исаи Копинскаго на кіево-михайловское игуменство, позаботились и фактически предоставить ему оное. Полковникъ запорожскаго войска Демьянъ Гарбуза съ подвластными ему козаками 10 декабря 1631 года „наѣхалъ на Кіево-Михайловскій монастырь и, Кизаревича изъ монастыря выгнотовавши, осадилъ на томъ мѣстѣ Исаю Копинскаго“¹⁵).

Этотъ перевѣсъ матеріальной силы, сгруппировавшейся около новизбраннаго митрополита и заявившейся себя насильственными дѣйствіями противъ могилянскои партіи, нарушилъ предположенія Петра Могилы относительно устраиваемой имъ коллегіи (въ смыслѣ безусловной зависимости ея отъ него одного). Подъ давленіемъ обстоятельствъ кіево-печерскій архимандритъ вынужденъ былъ войти въ соглашеніе съ кіево-богоявленскими братчиками, результатомъ коего было соединеніе фундуемой имъ коллегіи со школой братскою. При этомъ, хотя Петръ Могила и выговорилъ себѣ главное опекунство и надзоръ надъ соединенными школами, но заботы его въ этомъ отношеніи, до извѣстной степени, должны были (подъ его руководствомъ) раздѣляться годичными братскими старостами, а митрополиту Исаи Копинскому, по его желанію, предоставлено было почетное покровительство.

Такимъ образомъ, послѣ серьезныхъ тревоженій и проволочекъ дѣло съ коллегіею было улажено. Но едва ли отъ этого улучшились отношенія между митрополитомъ и кіево-печерскимъ архимандритомъ. Первый по прежнему (что было—какъ увидимъ—до самой его смерти) относился къ Петру Могилѣ съ подозрѣніемъ касательно устой-

¹⁴) Въ оглавленіи *Акакистовъ*, изд. въ 1625 г. въ Кіево-Печерской лаврѣ, сказано, что они издаются прилежаніемъ и иждивеніемъ намѣстника *Филовея Кизаревича*.—Явный намекъ на хорошее матеріальное положеніе („богатство“) Кизаревича находится и въ письмѣ къ нему о. Теофила (отъ 5 мая 1637 г.), помѣщен. нами въ *прилож.* подъ № XXXII.

¹⁵) *Акты Зап. Рос.* т. V, № 12.

чивости его въ православіи, а послѣдній, естественно, считалъ митрополита человѣкомъ съ узкимъ научнымъ кругозоромъ и видѣлъ въ немъ серьезный тормазъ при своихъ прогрессивныхъ стремленіяхъ.

Когда, вслѣдствіе достигнутой усиліями православныхъ перемѣны въ правовомъ положеніи западно-русской церкви, Петръ Могила былъ избранъ на кievскую митрополию при существованіи прежняго митрополита, онъ, зная отношенія къ себѣ послѣдняго, не могъ не предвидѣть затрудненій при своемъ занятіи первосвятительскаго поста какъ отъ самого Исаіи Копинскаго, такъ и отъ его сторонниковъ. Поэтому Могилою, тотчасъ же послѣ его избранія на означенный постъ, предпринимаются мѣры къ упроченію своего новаго положенія и ослабленію ожидаемыхъ протестовъ со стороны прежняго митрополита. Съ этою цѣлью имъ первѣе всего снаряжается посольство къ константинопольскому патріарху (Кириллу Лукарису), состоящее изъ ректора Кіево-Могилянской коллегіи Исаіи Трофимовича Козловскаго и кievо-кирилловскаго игумена Леонтія ¹⁶⁾. До насъ не дошло письмо Петра Могилы къ патріарху, врученное этими послами; но нѣкоторыя документальныя данныя того времени даютъ основаніе заключать, что въ немъ Петръ Могила, объясняя обстоятельства, обусловившія его избраніе на митрополию, просилъ Лукариса не только о „сакрѣ“ для себя, т. е., патріаршемъ благословеніи, но и о присылкѣ грамоты къ Исаіи Копинскому или вообще православнымъ южно-руссамъ, коею бы прежній митрополитъ устранялся съ каѳедры. При этомъ основаніями для послѣдней просьбы могли служить отчасти новыя отношенія, въ какія вступаетъ южно-русская церковь къ правительству, а главнѣе всего то обстоятельство, что Исаія Копинскій не имѣлъ еще патріаршаго благословенія. Другими мѣрами предосторожности со стороны Петра Могилы, въ виду указанныхъ опасеній, должно признать: 1) выборъ имъ для своего постановленія въ митрополиты Львовской Успенской церкви, съ братчиками коей онъ и его фамилія находились въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, гдѣ, слѣдовательно, означенное торжество могло быть встрѣчено съ искреннимъ сочувствіемъ и радостью (на что пельзя было разсчитывать въ Кіевѣ, имѣвшемъ не мало сторонниковъ Исаіи), и 2) приглашеніе для своего посвященія всѣхъ прежнихъ епископовъ, подобно Исаіи Ко-

¹⁶⁾ См. *прилож.* № 1.

пинскому устранившихся съ своихъ каедръ, и такимъ образомъ—какъ мы замѣтили—своимъ участіемъ въ этомъ посвященіи долженствовавшихъ засвидѣтельствовать и свою покорность новому верховному архипастырю западно-русской церкви, и свое подчиненіе совершившейся въ ней перемѣнѣ въ іерархическомъ отношеніи.

Предчувствія не обманули Петра Могилу. Исаія Копинскій, не взирая на патріаршія грамоты, не желалъ отказываться отъ своихъ митрополитанскихъ правъ. Предвидѣлась церковная смута, и Могила рѣшился прибѣгнуть къ крутой мѣрѣ относительно своего противника. По свидѣтельству современника Іерлича,⁴⁷⁾ онъ наслалъ своихъ слугъ на Кіево-Михайловскій монастырь, которые забрали все имущество бывшего митрополита, а его самого, стараго и больного, въ одной власяницѣ, перекинувши на коня, какъ будто какой мѣшокъ, препроводили въ Кіево-Печерскую лавру. Нѣкоторые изслѣдователи съ рѣшительностію отвергаютъ достовѣрность этого сказанія; но въ существенныхъ чертахъ оно должно быть принято, какъ исходящее отъ лица, близко ознакомленнаго съ дѣломъ и притомъ вполне согласное съ характеромъ установившихся между Петромъ Могилою и Исаіей Копинскимъ отношеній. Означенное извѣстіе относительно Петра Могилы можетъ быть ослаблено только тѣмъ естественнымъ предположеніемъ, что усердные исполнители его приказанія самовольно переступили извѣстную черту, допустивъ излишнюю жестокость къ слабому старцу...

Въ лаврскомъ заключеніи Исаія Копинскій пробылъ не долго. Во второй половинѣ 1633 года мы опять видимъ его настоятельствомъ въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ. Возвращеніе Исаіи означенной обители зависѣло отъ обнаруженной имъ въ давнее время, подъ давленіемъ стѣснительныхъ обстоятельствъ, уступчивости: *онъ отказался отъ своихъ правъ на митрополию и далъ въ этомъ Петру Могила письменное удостовѣреніе*. Безъ сомнѣнія, желаніе получить отъ бывшего митрополита подобное удостовѣреніе и было причиною тѣхъ крутыхъ мѣръ, которыя были примѣнены Могилою по отношенію къ Копинскому. Имѣть же отъ Исаіи оффиціальныи отказъ отъ своихъ правъ (и обнародовать его) представлялось для Петра Могилы

⁴⁷⁾ Latopisiec albo kroniczka Ioachima Ierlicza, z rękopismu wydał K. Wł. Wojcicki. Warszawa. 1853—str. 56—57.

дѣломъ важнымъ, такъ какъ, не смотря на разосланныя имъ повсюду грамоты съ извѣщеніемъ, что онъ „за зраженемъ Бозскимъ и благословеніемъ и росказанемъ святѣйшаго пастыря патріарха Константинопольскаго отъ православныхъ епископовъ канонне посвященъ и хиротонисанъ на митрополию Кіевскую,“¹⁸⁾—многіе изъ православныхъ не признавали его законнымъ митрополитомъ. До насъ дошелъ въ высшей степени важный документъ—изданная Петромъ Могилою вскорѣ по пріѣздѣ его (послѣ посвященія) въ Кіевъ грамота къ православнымъ южно-руссамъ, въ коей, съ одной стороны, ясно характеризуется настроеніе извѣстной части общества по поводу совершившейся іерархической перемѣны въ церкви, а съ другой—обозначаются предпринимаемыя новымъ митрополитомъ мѣры къ успокоенію взволнованныхъ умовъ. „Заслышалисмо, — пишетъ Могила, — ижъ межъ милостями вашими разногласіе и негода некаясь ажъ и дотоль находитъ: гды едни насъ, митрополита, другіе нѣвгдысь менучагося быти митрополита Исаію, а иные иныхъ, кого кто хочеть, при службахъ и набожествахъ церковныхъ безчынне споминають, што чините на раздоръ церковный и на погоршене немоцнѣйшихъ людей... Хочемъ теда, абысте всѣ вѣдали, ижъ южъ менучійся нѣвгдысь господинъ (очевидно, описка; должно читать: митрополитъ) Исаія Копинскій, изверженнымъ презъ листъ отъ святѣйшаго патріарха будучы, зрелъся доброволне такъ уряду, якъ и титулу митрополитанскаго, ижъ его собѣ южъ до смерти привлацати не маеть листомъ своимъ намъ обовязалсе, котораго копію переписавши его милости пану Кропивницкому, подсудкови Брацлавскому, послалисмо“¹⁹⁾.

Къ сожалѣнію, отреченіе Исаіи Копинскаго отъ своихъ правъ не было искреннимъ, и церковная смута изъ-за счетовъ его съ Петромъ Могилою не прекращалась до самой смерти неутомоннаго старца. Для характеристики дальнѣйшихъ отношеній между митрополитами—старымъ и новымъ—имѣются слѣдующія данныя.

Въ августѣ 1635 года нѣкоторые иноки Кіево-Михайловскаго монастыря, отъ имени капитулы, занесли жалобу противъ Исаіи Копинскаго въ томъ, что онъ послѣ смерти Іова Борецкаго, управляющаго означеннымъ монастыремъ, устроилъ себѣ выборъ на его мѣсто:

¹⁸⁾ Прилож. № № V—VI.

¹⁹⁾ Прилож. № VII.

какъ будто всѣ иноки избрали Исаію своимъ игуменомъ, между тѣмъ на самомъ дѣлѣ братією выбранъ былъ во игумена Филоеѣй Кизаревичъ. Затѣмъ Копинскій, при помощи козаковъ, сдѣлалъ нападеніе на монастырь, выгналъ изъ него Кизаревича и занялъ его мѣсто. Управляя монастыремъ, онъ всячески притѣснялъ братію („мордерствомъ всякимъ утискалъ“), и, наконецъ, 10 августа означеннаго года самовольно безъ всякой причины, забравши съ собою разныя церковныя вещи, неизвѣстно куда уѣхалъ ²⁰⁾.

Это заявленіе сдѣлано сторонниками Кизаревича, какъ мы упоминали, покровительствуемаго Петромъ Могилою. Цѣлью заявленія было оправдать вновь задуманное избраніе во игумена Кизаревича и вводить его въ управленіе Кіево-Михайловскимъ монастыремъ, что вскорѣ, съ соблюденіемъ формальностей, и было выполнено ²¹⁾.

Иначе рассказываетъ о своемъ удаленіи изъ Кіево-Михайловской обители самъ Исаія Копинскій. Въ жалобахъ на имя короля и протестаціяхъ, поданныхъ въ судебныя мѣста, дѣло представляется имъ въ слѣдующемъ видѣ. Петръ Могила, не довольствуясь прежними великими „кривдами и опрессіями“ по отношенію къ Исаіи и управляемой имъ обители, продолжалъ дѣлать нападенія на послѣднюю, приводя ее до „остатняго знищеня“, вслѣдствіе чего Исаія былъ не безопасенъ даже за свою жизнь. Поэтому онъ рѣшился отправиться съ жалобою къ королю, съ цѣлью получить у него „привилей“ (очевидно, на оспариваемыя маестности) и „клейтъ“ (охранный листъ). При отъѣздѣ изъ Кіева Исаія оставилъ монастырь свой „во всемъ цѣлый, намѣстника отъ себѣ и иныхъ законниковъ порядне угрунтовавши“. Но въ его отсутствіе Петръ Могила тотъ монастырь насильственно („презь упоръ и потугу“) и безправно забралъ и отдалъ Филоеѣю Кизаревичу, „игуменомъ его охрестивши“ ²²⁾.

Около этого же времени,—по всей вѣроятности, вскорѣ послѣ выѣзда Исаіи изъ Кіева для занесенія передъ королемъ жалобы на Могилу,—бывшаго митрополита постигло новое огорченіе: у него отобраны были и другіе монастыри, дотолѣ находившіеся въ его вѣдѣніи: *Густыньскій и Миарскій Лубенскій*. Монастыри эти были осо-

²⁰⁾ Акты Зап. Рос. т. V. № 12.

²¹⁾ Настоящаго изслѣдованія, т. I. прилож. № XCV.

²²⁾ Ibid. Прилож. № XCVIII.

бенно близки сердцу Исаи: первый изъ нихъ возстановленъ былъ его стараніями, а второй (гдѣ онъ большею частію предъ избраніемъ на митрополию пребывалъ)—вновь сооруженъ имъ при матеріальной помощи княгини Вишневедкой. Послѣднее обстоятельство, а главное, нахожденіе обоихъ монастырей въ помѣстьяхъ князей Вишневедкихъ, поставило означенные монастыри подъ патронатство сихъ князей и послужило для Петра Могилы, родственника тогдашняго патрона ихъ Іереміи Вишневецкаго, предлогомъ просить послѣдняго объ устраненіи Исаи отъ завѣдыванія обителями и передачѣ ихъ въ вѣдѣніе его, Могилы, что Іереміею и было сдѣлано.

Въ концѣ 1635 года, вслѣдствіе жалобы Исаи Копинскаго о чинимыхъ ему обидахъ и притѣсненіяхъ отъ Петра Могилы и его единомышленниковъ, отъ имени короля выданы были „три листа.“ Одинъ адресованъ былъ Петру Могилѣ. Здѣсь король, на основаніи жалобы Исаи, перечисливъ испытанныя имъ отъ Могилы обиды, выразившіяся въ нападеніяхъ на Кіево-Михайловскій монастырь и расхищеніи въ немъ церковнаго имущества, напоминаетъ митрополиту, чтобы онъ (если жалоба справедлива) „попересталъ чинить таковыя кривды“, вошелъ съ Исаіей Копинскимъ въ полюбовное соглашеніе, возвратилъ захваченное имущество и документы и наградилъ обиженную сторону, не доводя дѣло до суда²³⁾.—Второй листъ адресованъ былъ тогдашнему кіевскому воеводѣ Яну Тышкевичу. Король, перечисляя упомянутыя обиды, нанесенныя Исаи Петромъ Могилою, заявляетъ, что онъ не желаетъ, дабы „духовныя особы посредствомъ насилій и наѣздовъ“ разрѣшали возникавшія между ними недоразумѣнія, такъ какъ для рѣшенія тѣхъ или иныхъ претензій существуютъ судебныя учрежденія, къ коимъ въ подлежащихъ случаяхъ и слѣдуетъ обращаться. Поэтому, по жалобѣ Исаи, король назначилъ пеню въ 60,000 копѣ литовскихъ для той стороны, которая преступитъ означенное правило, о чемъ воеводѣ и поручается сообщить кому слѣдуетъ (Петру Могилѣ)²⁴⁾. Третій листъ адресованъ былъ князю Іереміи Вишневедкому; онъ представляетъ не столько приказаніе, сколько въ мягкой формѣ выраженный совѣтъ—не обижать старца, Исаю, и возвратитъ ему изъятыя изъ его вѣдѣнія монастыри, нахо-

²³⁾ Архив. Юго-Зап. Рос. ч. I, т. VI, № CCLXXXV.

²⁴⁾ Ibid

дящіеся въ заднѣпровскихъ помѣстьяхъ князя, такъ какъ эти монастыри, вслѣдствіе дозволенія покойной матери князя, сооружены и благоустроены трудами и немалыми изживеніями самого Исаи. Князь долженъ принять это во вниманіе, а также, въ особенности, не упускать изъ виду превлонныхъ лѣтъ старца: пусть онъ въ монастыряхъ, имъ устроенныхъ, продолжаетъ, какъ и прежде, до своей смерти, молить Бога за князя и его родителей. Король выражаетъ желаніе, чтобы и всѣ иноки, священники, а также свѣтскія лица, живущіе въ означенныхъ помѣстьяхъ и не примкнувшіе къ униі (nie w unieу będący), находились въ полномъ послушаніи Исаи, „какъ архіепископу Заднѣпровскому Сѣверскому, отъ него, короля, поданному (назначенному)“²⁵⁾

Существуетъ извѣстіе, исходящее изъ униатскаго источника (именно записанное Сушею въ его сочиненіи о Мелетіи Смотрицкомъ— (Saulus et Paulus), будто въ это время, т. е. при началѣ судебной волокиты Исаи Копинскаго съ Петромъ Могилою, Исаія обращался за содѣйствіемъ къ униатскому митрополиту Вельямину Рутскому, который якобы и принялъ его съ большимъ участіемъ и „можетъ быть,“ какъ замѣчаетъ преосв. Макарій, „походатайствовалъ за нимъ передъ королемъ или королевскою канцеляріею“,—чѣмъ и объясняется успѣхъ жалобъ Исаи²⁶⁾. Но къ означенному извѣстію нужно относиться съ большою осторожностью: упомянутое сочиненіе заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія завѣдомо ложныя, такъ какъ Суша, въ интересахъ своей партіи, не стѣснялся искажать факты, а иногда и прямо измышлялъ ихъ. Успѣхъ Исаи Копинскаго при его ходатайствахъ передъ королемъ или, точнѣе, королевскою канцеляріею былъ успѣхъ относительный, почти *обычный*; ибо зауряднымъ было дѣломъ принимать королевскою канцеляріею тѣ или иныя жалобы на имя короля отъ разныхъ лицъ и на основаніи ихъ изготавлять такъ называемые напоминальные листы. Такова была обычная канцелярская форма; таково было обычное судебное теченіе дѣлъ. Но если бы оказалось справедливымъ означенное сообщеніе Суши, если бы со временемъ отыскались положительныя данныя, удостовѣряющія оное,—то это еще разъ подтвердило бы уже и не нуждающуюся въ подтвержденіи-

²⁵⁾ Ibid.

²⁶⁾ Исторія Рус. Церкви, т. XI., стр. 503.

яхъ истину: какое нехорошее чувство озлобленіе, и до какихъ опрометчивыхъ, маловѣроятныхъ поступковъ можетъ оно доводить лицъ, потемненныхъ имъ! (имѣемъ въ виду извѣстное отношеніе Исаи къ Рутскому и, вообще, извѣстные его взгляды на латино-уніатскую іерархію).

Въ мартѣ 1636 года Исаія Копинскій, не видя благопріятныхъ для себя послѣдствій отъ прежнихъ напоминальныхъ королевскихъ листовъ, по обычаю занесенныхъ имъ въ градскія книги, выхлопоталъ у короля новый напоминальный листъ къ Петру Могилѣ, въ коемъ послѣднему вновь выставлены были ^{какихъ} (его неблаговидные поступки по отношенію къ бывшему митрополиту и повторено внушеніе, чтобы онъ чинить притѣсненій Исаи болѣе не дерзалъ и Кіево-Михайловскій монастырь со всѣми маестностями ему возвратилъ²⁷). Но Петръ Могила не исполнилъ и этого приказанія. Копинскій подалъ новую жалобу,—словомъ, началась обычная судебная волокита.

Въ началѣ 1637 года Исаія Копинскій, вслѣдствіе затѣянныхъ имъ процессовъ противъ Петра Могилы опасавшійся ѣхать въ Кіевъ, находился въ Луцкѣ. Въ это время (1-го февраля) прибылъ туда и Могила; послѣдній воспользовался благопріятнымъ случаемъ увидать своего противника и лично съ нимъ объясниться. Свиданіе новаго митрополита съ бывшимъ состоялось въ домѣ луцкаго епископа Аѳанасія Пузины, находившемся въ Пречистенскомъ монастырѣ, въ присутствіи многочисленныхъ чернцовъ. Послѣдствіемъ этого свиданія было занесеніе Исаіей Копинскимъ въ луцкія градскія книги „добровольнаго“ заявленія, въ коемъ онъ, отъ своего имени и, какъ бывший игумень Кіево-Михайловскаго монастыря, отъ имени капитулы послѣдняго, освобождалъ Петра Могилу отъ всѣхъ своихъ несправедливыхъ протестацій, отъ всѣхъ когда-либо и гдѣ либо вчиненныхъ исковъ, навсегда отказываясь отъ всякихъ претензій, „какъ въ кривде, такъ и въ титуле“²⁸).

Но оказалось, что заявленіе Исаи Копинскаго передъ судомъ было неискреннее и недобровольное, а вызванное необходимостью. 24 апрѣля того же года повѣренный Исаи шляхтичъ Кчумовскій отъ его имени занесъ въ градскія владимірскія книги протестацію

²⁷) См. настоящаго изслѣдованія т. I, *прилож.* № ХСVII.

²⁸) *Ibid.* *прилож.* № ХСVI.

противъ Петра Могилы ²⁹⁾, гдѣ, упомянувъ о притѣсненіяхъ, причиненныхъ послѣднимъ его кліенту, объясняетъ, что означенные заявленіе Копинскаго передъ лужскимъ судомъ, освобождающее Могилу отъ начатыхъ противъ него исковъ, было вынужденное: митрополитъ „гвалтовне до того примусиль“ Исаію; послѣдній „квитоваль“ (т. е., освободилъ отъ претензій) Могилу, „ухраняюче здраве свое.“ Поэтому, заявляя „о неважность квитовъ тыхъ подневольныхъ,“ Кчумовскій предупреждаетъ, что Копинскій, „скоро пришедши до лѣпшаго здравя,“ будетъ продолжать судебные иски противъ Могилы и его помощниковъ „яко о першія кривды, такъ и о тое теперешнее примушене.“

Дѣйствительно, Исаія Копинскій не оставилъ Петра Могилу въ покоѣ. Онъ опять обратился на него съ жалобою къ королю, и опять хлопоты его увѣнчались успѣхомъ: король назначилъ комиссію для обслѣдованія неблаговидныхъ поступковъ Могилы относительно Копинскаго. Въ королевской грамотѣ къ членамъ этой комиссіи, на основаніи жалобъ Исаіи, сгруппированы были всѣ обвиненія послѣдняго противъ митрополита. „Дошло до насъ извѣстіе — говорится здѣсь, — что велебный Петръ Могила, архимандритъ печерскій, относясь неуважительно не только къ достоинству духовнаго знанія и общему праву, но и къ нашему охранному листу, самъ и посредствомъ своей челяди, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, нагло (gwałtownie) преслѣдуетъ велебнаго Исаію Копинскаго, архіепископа сѣверскаго, игумена св. Михаила Златоверхаго Кіевскаго, посягая на его здравье и благосостояніе; имѣнія, документы, аппараты церковные и его собственные позабираль; его самага, выгнавши, измучивши, окровавивши, держаль въ тяжкомъ заключеніи; лишаетъ его духовной власти и доходы, ему принадлежаціе, забираетъ.“ Поэтому король приказываетъ, чтобы назначенные имъ въ комиссію члены немедленно свеслись между собою и, условившись относительно времени, прибыли въ Кіевъ, гдѣ, тщательно обслѣдовавъ жалобы сѣверскаго архіепископа, удовлетворили бы его законныя претензіи, а все производство дѣла (akt inquisiticy) отослали ему, королю ³⁰⁾.

²⁹⁾ Ibid. *прилож.* № ХСVII.

³⁰⁾ Ibid. *прилож.* № ХСVIII.

Одновременно съ симъ официально извѣщенъ былъ о назначеніи комиссіи по жалобамъ Исаи и Петръ Могила. Въ этомъ извѣщеніи, отъ имени короля, между прочимъ, говорится: „назначили мы слѣдователей нашихъ съ тѣмъ, чтобы они, выслушавши жалобы Исаи Копинскаго о причиненныхъ ему притѣсненіяхъ и возвративши ему въ спокойное владѣніе незаконно отнятый отъ него Михайловскій Златоверхій монастырь, съ аппаратами церковными, серебромъ, документами и привилегіями монастырскими, — произвели, черезъ распросы людей, знакомыхъ съ дѣломъ и заслуживающихъ довѣріе, обстоятельное разслѣдованіе и о всѣхъ давнихъ несправедливостяхъ, убыткахъ и наѣздахъ, учиненныхъ какъ монастырю, такъ и самому Исаи.“ При этомъ Могила внушалось, чтобы онъ ни подъ какими предлогами не уклонялся отъ слѣдствія, а во время производства послѣдняго не дерзалъ производить никакихъ тревогъ и возмущеній³¹⁾.

Мы не нашли въ тоговременныхъ актовыхъ книгахъ рѣшенія слѣдственной комиссіи по означенному дѣлу, но извѣстно, что Кіево-Михайловскій монастырь Исаи не былъ возвращенъ. Да иначе и быть не могло, — и это не потому, какъ думаетъ преосв. Макарій, что Филоею Кизаревичемъ избранъ былъ въ игумена означеннаго монастыря мѣстною братіею прежде Исаи и, значитъ, имѣлъ на монастырь болѣе права. Оба эти избранія (Кизаревича и Исаи), состоявшіяся въ 1631 году, не получили въ свое время утвержденія отъ польскаго правительства, какъ не соотвѣтствовавшія его видамъ, а потому въ глазахъ слѣдственной комиссіи особеннаго значенія имѣть не могли. Для послѣдней, какъ юридически законное, должно было представляться состоявшееся послѣ удаленія изъ обители Исаи (въ 1635 г.), новое избраніе во игумена Кизаревича, такъ какъ оно было вполне оформлено, т. е. было представлено на утвержденіе королю и удостоилось этого утвержденія. Филоею Кизаревичемъ въ январѣ 1636 года введенъ былъ въ управленіе монастыремъ свѣтскою властію и введенъ былъ вслѣдствіе привилегіи на игуменство, данной ему королемъ, каковой привилегіи Исаи не имѣлъ... Что касается до другихъ притѣсненій, причиненныхъ Исаи отъ Петра Могила (стоявшихъ всѣ связи съ игуменствомъ перваго въ Михайловскомъ монастырѣ), то (оставляя даже въ сторонѣ естественное преувеличеніе ихъ

³¹⁾ Ibid. *прилож.* № ХСІХ.

въ протестаціяхъ) онѣ могли быть объясняемы смутами, производимыми сѣверскимъ архіепископомъ, не утвержденнымъ въ званіи митрополита правительствомъ, а между тѣмъ долго не отказывавшимся отъ митрополичьяго титула и нежелавшимъ признавать таковой за Петромъ Могилою, получившимъ отъ короля привиллегію на кіевскую митрополію. Словомъ, рѣшеніе слѣдственной комиссіи (если оно состоялось) не могло быть въ пользу Исаи.

Неудачи, постигшія Исаію Копинскаго въ борьбѣ съ своимъ противникомъ, еще болѣе должны были усилить его нерасположеніе къ нему. Издавна съ подозрѣніемъ относившійся къ чистотѣ православія Петра Могилы, Исаія теперь еще тверже укрѣпился въ этой мысли и въ разсматриваемое время, живя вдали отъ Кіева, гдѣ-то въ Польсѣ, тщательно слѣдилъ за всѣми вѣстями, распускаемыми недоброжелателями митрополита объ его отношеніяхъ къ латино-уніатамъ (основаніе для чего давали непрекращавшіяся попытки правительства къ примиренію уніатской церкви съ православною), и безъ всякой провѣрки разглашалъ о нихъ своимъ сторонникамъ. Каковы были эти вѣсти, можно судить изъ сохранившагося до насъ въ извлеченіяхъ письма Исаи (отъ 1638 г.) къ высокочтившимъ его лубенскимъ и густынскимъ инокамъ. „Одноконечно—писалъ Копинскій,—король польскій и паны радные и ляцкіе арцыбискупы приговорили на соймѣ, что въ ихъ Полской и Литовской землѣ православной христьянской вѣрѣ не быть, и христьянскіе церкви превратить на костелы ляцкіе, и книги рускіе и монастыри вывести; а кіевскій митрополитъ Петръ Могила благословенъ отъ папы римского нынѣ въ великой постѣ въ патріархи: быть ему патріархомъ въ Вильнѣ будто въ христьянской вѣрѣ; а присегалъ онъ, митрополитъ, королю и всѣмъ паномъ раднымъ и арцыбискупамъ ляцкимъ на томъ, что ему христьянскую вѣру ученемъ своимъ своимъ попрасть и уставить всю службу по повѣленью папы римского; а въ митрополиты въ Кіевъ, въ Печерской монастырь, на его Петрово Могилино мѣсто, благословенъ нынѣ Корсакъ, бывшій владыко Пинскій. А быть де въ Кіевскомъ Печерскомъ монастырѣ ляцкимъ чернцомъ Бернадиномъ, а въ Никольскомъ Кіевскомъ монастырѣ быть приговорено ляцкимъ Восацомъ, а въ Михайловскомъ монастырѣ быть Доминиканомъ“³²⁾.

³²⁾ Акты Ю. З. Россіи, т. III, № 3 стр. 7—8; сравн. № 2, стр. 5.

Естественно, что подобныя вѣсти должны были волновать наиболѣе подозрительныхъ и легковѣрныхъ православныхъ южно-руссковъ, особенно, простой народъ, всегда склонный съ довѣріемъ относиться къ ложнымъ слухамъ; а на дружественно расположенныхъ къ Исаіи иноковъ и инокинь упомянутое его письмо къ нимъ произвело столь сильное впечатлѣніе, что они, въ виду предстоящихъ гоненій за вѣру, порѣшили немедленно удалиться изъ своихъ монастырей и всею массою, со всѣмъ имуществомъ переселиться въ сосѣднее единовѣрное Московское государство. Дѣйствительно, когда послѣдовало на то согласіе московскаго правительства, въ іюнѣ 1638 года началось массовое поспѣшное переселеніе изъ означенныхъ монастырей въ порубежный русскій городъ Путивль. Изъ Густынскаго монастыря, во главѣ съ игуменомъ, вышло около 70 старцевъ, болѣе 20 послушниковъ и 11 приписныхъ къ монастырю крестьянскихъ семействъ; изъ женскаго Ладинскаго—духовникъ Меѳодій, игуменья Елизавета, 50 сестеръ и при нихъ 16 человѣкъ служекъ; только изъ третьей мгарской обители выселеніе ограничилось четырнадцатью старцами, такъ какъ игумень Каллистратъ съ остальными братіями не сдержалъ даннаго имъ, во время переговоровъ о переселеніи, обѣщанія и не пожелалъ покидать своего монастыря ³³).

Преосв. Макарій высказываетъ (хотя и вскользь) предположеніе, что на рѣшеніе иноковъ означенныхъ монастырей бѣжать въ Московское государство могли вліять совѣты лубенскаго епископа, какъ они называли въ то время Исаію ³⁴). Мы съ своей стороны не только считаемъ вполне вѣроятнымъ такое предположеніе, но идемъ въ своихъ догадкахъ еще дальше: мы имѣемъ основаніе думать, что Исаія не только совѣтовалъ расположеннымъ къ нему монашествующимъ лицамъ бѣжать отъ гоненій за вѣру въ Москву, но и самъ намѣревался поступить такъ же, и если ему не удалось это, то только по обстоятельствамъ, отъ него не зависѣвшимъ... Дальнѣйшее изложеніе имѣетъ цѣлью подтвердить справедливость нашего предложенія.

Игумень Лубенскаго мгарскаго монастыря Каллистратъ еще великимъ постомъ 1638 года принадлежалъ къ числу сторонниковъ Исаіи Копинскаго, получалъ отъ него письма и исполнѣ довѣрялъ со-

³³) Ibid. № № 1—16.

³⁴) Исторія Рус. Церкви, т. XI стр. 507.

держанію, ихъ. Въ совѣщаніяхъ о переселеніи въ Московское государство онъ также принималъ дѣятельное участіе и, въ бытность свою въ Ладинскомъ монастырѣ, совмѣстно съ игуменами Меѳодіемъ (духовникомъ означеннаго монастыря) и Василиемъ, управлявшимъ Лубенскою обителью, въ подробностяхъ обсуждалъ это дѣло и условился, какъ должно совершиться самое переселеніе. Но въ іюнѣ мѣсяцѣ того года, когда другими монастырями рѣшеніе о выходѣ въ Москву начало приводиться въ исполненіе, Каллистратъ не только не хотѣлъ покинуть своей обители, но и сталъ въ рѣзкую оппозицію къ своимъ прежнимъ единомышленникамъ.

Въ письмѣ своемъ въ Путивль къ упомянутымъ игуменамъ Меѳодію и Василию онъ упрекалъ ихъ въ разграбленіи монастырей и убѣждалъ опять возвратиться на родину, а если этого не пожелаютъ, то просилъ, по крайней мѣрѣ, „не оглашать его, игумена, съ братією, а также кіевскаго митрополита (Петра Могилу) ни какими словами и уніатами ложно не называть,“ такъ какъ „они по старому живутъ въ благочестивой православной христіанской вѣрѣ, и на нынѣшнемъ сеймѣ король и паны ни въ чемъ имъ нарушенія въ вѣрѣ не учинили.“ Къ инокамъ, бѣжавшимъ изъ его (Мгарской) обители, Каллистратъ писалъ, что они своимъ поступкомъ „преступили его благословеніе и послушанье, и хто ихъ благословилъ на то, въ Путивль итти, и тотъ буди проклять.“ Убѣждая братію возвратиться обратно въ прежнюю обитель и обѣщая, если послѣдуютъ его совѣту, прощеніе, мгарскій игумень за ослушаніе угрожаетъ проклятіемъ „318 святыхъ отецъ, иже въ Никей, и неблагословеніемъ своимъ вяжутся.“ Посланы были тогда Каллистратомъ письма и къ путивльскому воеводѣ съ просьбою „отпустить вскорѣ старцевъ со слугами и животиною на свою сторону“ и увѣреніемъ, что всѣ распускаемые слухи о немъ, игуменѣ, съ братією и о кіевскомъ митрополитѣ, будто они перешли въ унію, совершенно ложны ³⁵⁾.

Когда и вслѣдствіе чего послѣдовалъ такой рѣшительный переворотъ во взглядѣ игумена Каллистрата на Петра Могилу, побудившій его примкнуть къ сторонникамъ послѣдняго, а отсюда и существенно измѣнить свои отношенія къ Исаи?

³⁵⁾ Акты Ю. и З. т. III, № № 5—6, 1.

Ключъ къ разъясненію поставленнаго вопроса находится въ отвѣтномъ письмѣ къ Каллистрату ушедшихъ въ Путивль игуменовъ Василія и Меѳодія, которыхъ—какъ мы видѣли—мгарскій игумень убѣждалъ обратно возвратиться на родину. „Писалъ до ободвухъ насъ,“ читаемъ, между прочимъ, въ означенномъ письмѣ, „признаваячи намъ тое, же есмы помылилися въ своихъ справахъ, але Богъ вѣсть сумнѣвіе каждого, хто ся мылить межи нами,—если мы, а либо твоя честность, ижъ не такъ еси поступилъ, якось съ нами радилъ, вгдысмо, въ Ладини бывши, мовили съ собою; босмо такъ радилы и постановили, же твоя честность отъ тамътоль мѣлъ съ своего монастыря выбиратися до Москвы, а мы отъ своихъ монастырей, и на томъ разбѣхалисьмося, але теперь... *скорось прѣхалъ съ Кіева на Мгаръ, заразъ иншую раду ушнилъ*“³⁷⁾...

Такимъ образомъ, оказывается, что Каллистратъ, послѣ ладинскаго свиданія, гдѣ игуменами рѣшено было упомянутое переселеніе съ монастырскими братіями въ Москву, ѣздилъ въ Кіевъ, очевидно, не безъ цѣли,—на мѣстѣ разузнать, насколько справедливы распускаемыя Исаіею о Петрѣ Могили и, вообще, о предстоящихъ гоненіяхъ за вѣру слухи; и эта поѣздка произвела, да и не могла не произвести, на мгарскаго игумена сильное впечатлѣніе. Само собою разумѣется, что въ Кіевѣ Каллистратъ воочию убѣдился въ несправедливости распространяемыхъ Исаіей Копинскимъ слуховъ: Петръ Могила вовсе не измѣнялъ православію, кіевскіе монастыри и церкви по прежнему находились въ рукахъ православныхъ и благоукрашались, на сеймѣ ничего неблагопріятнаго для православныхъ не было постановлено, какихъ либо особыхъ гоненій за вѣру не воздвигалось. Неудивительно, что мгарскій игумень рѣзко могъ измѣнить свои отношенія къ Исаіи, и примкнулъ къ партіи могилянскій. Когда же произошла такая перемѣна въ оцѣнѣ враждовавшихъ между собою іерарховъ, Каллистрату естественно было сообщить, кому слѣдовало, объ условленномъ между иноками пограничныхъ монастырей переселеніи въ сосѣднее государство по поводу ложныхъ слуховъ о гоненіи за вѣру. Вѣсть эта не могла не произвести сильной тревоги въ Кіевѣ, и, безъ сомнѣнія, здѣсь же предприняты были мѣры къ тому, чтобы помѣшать означенному замыслу.

³⁶⁾ Ibid. № 5, стр. 10.

Дѣйствительно, съ возвращеніемъ Калистрата изъ Кіева въ мгарскую обитель намѣреніе иноковъ о переселеніи въ Московское государство перестаетъ быть секретомъ, и мы видимъ попытки отклонить ихъ отъ этого намѣренія не только убѣжденіями, но и силою. Къ послѣдней прибѣгаль князь Іеремія Вишневецкій, приказавшій было забрать игумена Густынскаго монастыря и старцевъ и, вмѣстѣ съ церковнымъ имуществомъ, препроводить въ Прилуки. Не безъ сопротивленій со стороны княжескихъ слугъ состоялось и самое переселеніе иноковъ, совершавшееся съ большими предосторожностями, по частямъ, и, вообще, походившее на бѣгство,—причемъ много церковнаго „строенья, рухляди, запасовъ, животины“ и т. п., было отнято вооруженными отрядами разныхъ урядниковъ³⁶⁾. Только близость къ московской границѣ и помогла инокамъ, хотя и съ указанными уронами, осуществить свое намѣреніе.

Бѣжавшіе въ Путивль иноки, особенно изъ мгарской обители, были очень недовольны Калистратомъ, измѣнившимъ общему дѣлу, что въ рѣзкихъ выраженіяхъ и высказали ему въ отвѣтныхъ письмахъ на его призывъ къ нимъ возвратиться обратно въ свои монастыри. Они упрекали мгарскаго игумена въ коварствѣ, двоедушіи, приверженности къ униі, расхищеніи церковнаго имущества и т. п. Намъ нѣтъ нужды останавливаться на всѣхъ этихъ обвиненіяхъ, но для насъ имѣютъ существенное значеніе тѣ упреки иноковъ Калистрату, въ коихъ усматриваются намеки на его новыя отношенія къ Исаи Копинскому. Въ данномъ случаѣ чрезвычайно важно слѣдующее мѣсто изъ письма мгарскихъ иноковъ къ своему бывшему игумену: „Человѣкъ сы червь, а не человѣкъ! Како ты отца своего и всихъ насъ общаго пастыря Исаи Копинскаго отрѣкся еси, благословеніе и клятву поплевалъ еси, и его самого мало на смерть не предалъ еси, и иному пастырю мамона ради послѣдовалъ еси.“

Изъ приведеннаго мѣста видно, что Калистратъ не только нарушилъ свои прежнія подчиненныя отношенія къ Исаи Копинскому, благословеніе и клятву его поплевалъ и окончателно перешелъ на сторону Петра Могилы,—но вмѣстѣ съ тѣмъ учинилъ относительно лубенскаго епископа какой-то неблаговидный поступокъ, который по-

³⁷⁾ Ibid. № 8.

влекъ за собою *насиліе надъ Исаією, едва не стоившее послѣдному жизни*,—и все это случилось, какъ видно изъ сопоставленія фактовъ, по возвращеніи мгарскаго игумена изъ Кіева.

Въ чемъ состояло означенное предательство Каллистрата по отношенію къ Исаіи?

Нѣкоторый свѣтъ на это бросаетъ одно, можно сказать, случайно проскользнувшее извѣстіе, оставшіеся до настоящаго времени необнародованнымъ. Въ половинѣ XVII столѣтія кто-то изъ московскихъ книжниковъ, интересовавшійся церковною обрядностью и богослужебными книгами, по поводу послѣднихъ дѣлалъ свои замѣчанія и предлагалъ вопросы. Между прочимъ, поставленъ былъ имъ вопросъ и о Требникѣ Петра Могилы слѣдующаго содержания (приводимъ это мѣсто въ полномъ видѣ): „Книга Потребникъ Кіево-Печерскій, печатана кіевскимъ митрополитомъ Петромъ Могилою; о немъ Петръ Могила нѣщцы благовѣрніи мужіе свидѣтельствуютъ, что онъ въ архіерейской чинѣ не рукоположенъ, но точію во архимандриты освященъ, архіерейская дѣйствовалъ и рукополагалъ, и сущаго митрополита Кіевского изгналъ и бѣжавша отъ него въ царствующій градъ Москву посланники своими возвратилъ въ Кіевъ мертва. Епископъ же нѣкто, духовный отецъ скончавшемуся сущему митрополиту, отъ усилванія Петра Могилы, видя безчеловѣчіе и дерзновение сидево, не изволи архіерейская дѣйствовати съ неосвященнымъ митрополитомъ Петромъ Могилою, аще и многи скорби отъ него пріять; по нѣкоемъ же времени епископъ онъ былъ Петру Могила и отецъ духовный, но сообщатися съ нимъ и архіерейская дѣйствовати и до смерти Петра Могилы не изволи, аще и плачевно и свѣту жизнь проходя. По смерти же Петра Могилы, неосвященна митрополита, онъ епископъ абіе начать архіерейская дѣйствовати и рукополагати. Таковымъ митрополитомъ неосвященнымъ печатныя книги и Потребникъ его подобаетъ ли пріимати“ ³⁸⁾?

Кто были „нѣщцы благовѣрніи мужіе,“ распускавшіе о Петрѣ Могила подобныя слухи, угадать не трудно: это были, во-первыхъ, бѣжавшіе изъ пограничныхъ монастырей иноки, перенесшіе свою неприязнь противъ митрополита и въ Московское государство, а затѣмъ

³⁸⁾ Извлечено изъ рукописи Синод. Московск. Библіотеки проф. А. А. Дмитріевскимъ, которому за сообщеніе означенной выписки приносимъ глубокую благодарность.

и другія нерасположенныя къ Могилѣ и легковѣрные лица, преимущественно изъ монашествующихъ, ходившія ради милостыни въ Москву и плакавшіяся здѣсь объ испытываемыхъ ими притѣсненіяхъ за вѣру. Слухи эти съ разнообразными наслоеніями держались среди известной части общества долго и не прекращались, какъ видно изъ приведенной нами замѣтки, даже послѣ кончины нашего митрополита.

Должно полагать, что большинство означенныхъ благовѣрныхъ мужей, сообщавшихъ въ Москвѣ подобныя вѣсти о Петрѣ Могилѣ, не были сознательными лжецами. Устраненіе Исаи Копинскаго съ митрополичьей кафедры произвело, какъ мы видѣли, въ средѣ лицъ, къ нему расположенныхъ, большое недоумѣніе. Какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, являлись разнообразные предположенія и толки. Въ ряду ихъ между лицами, особенно сидѣвшими въ келіяхъ и получавшими о событіяхъ внѣшняго міра смутныя свѣдѣнія, могли являться и такія разсужденія: „да гдѣ-же и отъ кого рукоположенъ Петръ Могила на митрополию? Не дерзаетъ ли онъ архіерействовать, будучи посвященъ только въ архимандриты?“ Подобныя разсужденія, высказанныя одними лицами въ видѣ предположенія, другими могли быть выдаваемы уже за фактъ положительный. Вообще, какъ смутны и неопредѣленны были въ народной средѣ представленія относительно посвященія Петра Могила на митрополию (не смотря на разосланныя имъ съ обстоятельнымъ извѣщеніемъ о семъ грамоты), можно видѣть изъ того, что даже Іерличъ, стоявшій въ близкихъ отношеніяхъ къ Кіево-Печерской обители, въ своей лѣтописи сообщаетъ не точное свѣдѣніе объ означенномъ событіи, заявляя, что Петръ Могила „prywatnie poświęcił się od wołoskiego metropolity i władzykow“ ³⁹).

Извѣстіе въ приведенной замѣткѣ о нѣкоемъ епископѣ, якобы не желавшемъ архіерействовать въ Петромъ Могилою, какъ не получившемъ посвященія, имѣетъ въ основѣ историческій фактъ, только, подъ вліяніемъ указанныхъ нами воззрѣній нѣкоторыхъ лицъ на нашего митрополита, искаженный. Подъ означеннымъ епископомъ, очевидно, разумѣется бывший коадьюторъ Исаи Копинскаго, Зозима, котораго Петръ Могила—по свидѣтельству современника—suspendował ab officio episcopali ⁴⁰).

³⁹) Latopisiec, изд. 1853 г., стр. 56.

⁴⁰) См. автобіограф. записку Игнатія Іевлевича, помѣщенную въ прилож. къ 1 вып.

Въ виду невѣрныхъ или искаженныхъ свѣдѣній о нашемъ митрополитѣ, занесенныхъ московскимъ книжникомъ въ упомянутую записку, можно ли относиться съ довѣріемъ и къ тому, насъ интересующему извѣстію въ ней, изъ котораго узнаемъ, что Петръ Могила „сущаго митрополита Кіевскаго (т. е. Исаію Копинскаго) изгналъ и бѣжавша отъ него въ царствующій градъ Москву посланники свои возвратилъ въ Кіевъ мертва“ (т. е., какъ видно изъ дальнѣйшаго текста, еле жива)?

Думаемъ, что извѣстіе это имѣетъ за собою историческую достоверность въ значительной степени.

Во-первыхъ, документально извѣстно, что Исаія Копинскій еще въ 1622 году, вслѣдствіе гоненій на православіе со стороны поляковъ, имѣлъ намѣреніе, вмѣстѣ съ подвѣдомыми ему монашествующими братьями, искать убѣжища въ Московскомъ государствѣ и желалъ заручиться отъ государя и патріарха „всѣя Росіи“ соизволеніемъ на то. Отправляя въ означенномъ году челобитную къ царю Михаилу Феодоровичу съ просьбою о милости, онъ далъ своимъ посланцамъ—черному попу Гедеону и старцу Леонтію—тайный наказъ освѣдомиться: позволятъ ли великій государь и святѣйшій патріархъ ему, Исаіи, „со всею братіею отъ гоненія вѣры крестьянскія

нашей *Исторіи Кіев. Академіи* (№ XX, стр. 77). Зосима Прокоповичъ, бывшій въ октябрѣ 1631 года іеромонахомъ Кіево-Михайловскаго монастыря и однимъ изъ членовъ его капитулы (см. А. З. Р., т. IV, № 231, стр. 525), очевидно, былъ посвященъ въ санъ епископа вскорѣ послѣ избранія Исаіи Копинскаго на кіевскую митрополию (отмѣчаемъ это въ виду неопредѣленнаго сужденія по сему вопросу преосв. Филарета, архіепа Черниговскаго; см. его *Историко-статистическое описаніе Черниговской епархіи*, кн. I, изд. 1873 г., стр. 34). Въ рукописной книгѣ актовъ Кіево-Мих. монастыря, значащейся по каталогу монастырской бібліотеки подъ № 1757, есть актъ съ датой отъ 31 декабря 1634 года, подъ коимъ, между прочимъ, находится и слѣдующая подпись: *Зосима епископъ, намѣстникъ монастыря Михайловскаго, рукою власною*. По удаленіи Исаіи Копинскаго (въ 1635 г.) изъ Кіево-Михайловскаго монастыря и передачѣ послѣдняго Филоею Кизаревичу, Зосима Прокоповичъ былъ переведенъ (безъ сомнѣнія, какъ лице, стоявшее съ бывшимъ митрополитомъ въ близкихъ отношеніяхъ) въ Кіево-Печерскую Лавру, гдѣ ему предоставлена была должность „блюстителѣ пещеры святаго Антонія“ (документальное указаніе на это см. у преосв. Филарета въ I кн. его *Историко-статистическаго описанія Черниговской епархіи*, стр. 35; для уясненія отношеній Зосимы къ П. Могилѣ см. прикровенное указаніе въ „Діаріюшѣ“ Ав. Филипповича въ Рус. Историч. Библ. т. IV, столб. 99; о дальнѣйшей судьбѣ Зосимы см. у преосв. Филарета въ упомянутомъ сочиненіи, книга I, стр. 33—36).

къ себѣ"? Причемъ число „братіа“ опредѣлялось въ „полтораста человекъ“⁴¹⁾.

Безъ сомнѣнія, подобный же наказъ данъ былъ Исаіей Копинскимъ и посламя, отправленнымъ имъ въ Москву въ концѣ 1632 года, когда избраніе Петра Могилы на кievскую митрополію сдѣлалось извѣстнымъ въ Кіевѣ и Исаія предвидѣлъ уже грозящія ему бѣды. Въ своемъ письмѣ къ московскому патріарху Филарету Никитичу онъ, между прочимъ, писалъ слѣдующее: „Обаче, аще не возможно будетъ,—Богу, грѣхъ ради нашихъ попустивше вѣщше,—сопротивъ стати злочестію ихъ (выше говорилось о „страданіяхъ Исаіа“ отъ супостатовъ и явственныхъ гонителей, *сиче и отъ мнимыхъ своихъ завистію и рвеніемъ томимыхъ*): къ Вашему Преосвященству, благочестивой православной Восточной державѣ, *приклонити главу умыслихомъ*, надежду несомнѣнно имѣюще, яко Ваша святительская и пастьерская милость насъ нищихъ не отрынетъ и не возгнушается.“ Далѣе въ письмѣ, обозначая по именамъ своихъ посланцевъ—Іова, игумена Густынскаго монастыря, „и при немъ трехъ братьевъ монаховъ,“—Исаія писалъ: „яко да о всемъ посланный отъ мене игумень *устнѣ подробно сокровеннѣ отъ предлежащихъ извѣститъ, ему же се вѣтрихомъ, понеже не вся чрезъ хартію изъяслятися и извѣщевати могутъ*“⁴²⁾.

Въ 1638 году, вслѣдствіе неудачной борьбы съ Петромъ Могилою, положеніе Исаіа Копинскаго было еще болѣе плачевно, чѣмъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ; онъ, какъ мы видѣли, лишился не только Кіево-Михайловскаго монастыря, но и прежнихъ своихъ, наиболѣе дорогихъ ему по воспоминаніямъ обитателей, и вынужденъ былъ проводить жизнь крайне бѣдственную. Поэтому, не естественно ли было ему, лишенному почти всякой духовной власти и матеріальныхъ средствъ, вспомнить о своемъ прежнемъ намѣреніи и опять обратить свои взоры на сосѣднее единовѣрное государство, милостями котораго онъ уже не разъ пользовался? И если Исаія Копинскій

⁴¹⁾ Матеріалы для исторіи воссоединенія Русь, П. А. Кулмша, т. I. № XV, стр. 130—132.

⁴²⁾ Означенное письмо помѣщено въ Вѣстн. Зап. Россіи, за 1865/6 г., кн. 5, отд. I, стр. 48—52. Подлинникъ хранится въ Москов. Главномъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ (связ. 10, № 6).

склонялъ дружественно расположенныхъ къ нему иноковъ бѣжать въ Москву,—иноковъ, въ средѣ которыхъ онъ въ данное время только и находилъ себѣ поддержку,—то могъ ли онъ самъ не послѣдовать по ихъ стопамъ, притомъ имъ же самимъ указаннымъ?

Во-вторыхъ, хотя неизвѣстно отъ кого московскій книжникъ получилъ свѣдѣніе о намѣреніи Исаи бѣжать въ Москву, но несомнѣнно, что первоначальная молва объ этомъ исходила отъ сторонниковъ низверженнаго митрополита и, вѣрнѣе всего, тѣхъ изъ нихъ, которые въ томъ же 1638 году, какъ мы видѣли, сами цѣлыми массами бѣжали въ Московское государство. Сторонники же Исаи, особенно послѣдніе, если по обстоятельствамъ, изложеннымъ нами выше, могли имѣть смутныя и превратныя представленія о вступленіи Петра Могила на митрополию и объ его дѣятельности,—то о самомъ Исаи, какъ лицѣ, находившемся съ ними въ ближайшихъ, зачастую даже непосредственныхъ отношеніяхъ, должны были получать свѣдѣнія сравнительно вѣрныя и обстоятельныя. Отсюда и сообщаемымъ ими вѣстямъ о „своемъ отцѣ и общемъ пастырѣ,“ какъ они называли Исаю, должно придавать иную историческую цѣнность, чѣмъ распускаемымъ ими слухамъ о стоящемъ вдали отъ нихъ, и по разстоянію, и по сердцу, Петрѣ Могилѣ.

Вотъ почему приведенную нами замѣтку московскаго книжника, въ томъ мѣстѣ оной, гдѣ рѣчь идетъ о предпріятомъ Исаею бѣгствѣ въ Москву и возвращеніи его посланниками Могила въ Кіевъ, —мы считаемъ проливающею свѣтъ на отмѣченное нами мѣсто изъ письма мгарскихъ иноковъ къ своему бывшему игумену Каллистрату, гдѣ послѣдній осыпается упреками за то, что „отрекся общаго отца и пастыря Исаи Копинскаго, благословіе и клятву его поплевалъ и его самого мало на смерть не предалъ.“

Вообще, все это дѣло., т. е. начало конца и самый конецъ враждебныхъ отношеній между Петромъ Могилою и Исаею Копинскимъ, представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ.

Потерявъ всякую надежду на благопріятный для себя исходъ дѣла при борьбѣ съ Петромъ Могилою, крайне стѣсненный въ матеріальныхъ средствахъ и приписывая всѣ свои неудачи гоненіямъ на „благочестіе“ въ литовско-русскихъ областяхъ,—гоненіямъ, грозившимъ, вслѣдствіе якобы измѣнническаго образа дѣйствій новаго ми-

трополита, разрѣшиться повсемѣстнымъ введеніемъ здѣсь униі,—Исаія Копинскій „благословлялъ“ дружественно расположенныхъ къ нему иноковъ и инокинь пограничныхъ съ Московскимъ государствомъ монастырей переселиться въ послѣднее, намѣреваясь одновременно съ ними и самъ осуществить свое давнее желаніе—„преклонить главу къ православной Восточной державѣ.“ Предложеніе („благословеніе“) Исаіи Копинскаго обсуждалось представителями означенныхъ монастырей, было ими принято и, не смотря на измѣну общему уговору одного изъ этихъ представителей (мгарскаго игумена), приведено (съ извѣстными намъ препятствіями и, относительно иноковъ мгарской обители, ограниченіями) въ исполненіе. Такимъ образомъ, мѣры, предпринятыя въ Кіевѣ съ цѣлью воспрепятствовать означенному замыслу монашествующихъ, не увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Но что не удалось по отношенію къ цѣлымъ массамъ, то гораздо легче могло быть достигнуто относительно одного лица Исаіи Копинскаго, тѣмъ болѣе, что на него, какъ главнаго виновника возникшаго въ пограничныхъ монастыряхъ движенія и притомъ давняго противника нашего митрополита, безъ сомнѣнія, обращено было преимущественное вниманіе. И если существуетъ свидѣтельство современниковъ, близко ознакомленныхъ съ рассматриваемыми событіями, что мгарскій игумень „предаль общаго всѣхъ отца и пастыря (Исаію Копинскаго) мало не на смерть,“ и затѣмъ находимъ, хотя нѣсколько позднѣйшее, но тоже, безъ сомнѣнія, исходящее отъ современниковъ извѣстіе о возвращеніи бѣжавшаго въ царствующій градъ Москву суцкаго митрополита (т. е., того же Исаіи) чрезъ посланниковъ Могилы въ Кіевъ,—то имѣемъ твердое основаніе полагать, что такъ было и на самомъ дѣлѣ; именно, думаемъ, что Исаія Копинскій, готовившійся къ переселенію въ Московское государство, схваченъ былъ сторонниками Петра Могилы и препровожденъ въ Кіевъ, гдѣ (очевидно, въ Кіево-Печерской обители) подъ строгимъ надзоромъ, вскорѣ и окончилъ свою многмятежную и многострадальную жизнь († 5-го октября 1640 г.).

Въ ряду данныхъ и соображеній, относящихся къ рассматриваемому вопросу, далеко не послѣднее мѣсто, по нашему мнѣнію, должно быть отведено и слѣдующему факту: *точное обозначеніе кончины Исаіи Копинскаго* (съ указаніемъ на годъ, мѣсяць и число) находится единственно только въ старомъ помянникѣ Антоніевой пещеры, въ *Кіево-*

Печерской лавръ ⁴³⁾... Положимъ, что Исаія Копинскій долгое время, до вызова его, въ 1615 году, на первоначальное устройство Кіево-Братскаго монастыря, состоялъ блюстителемъ Антоніевой пещеры, и потому воспоминаніе о немъ въ означенномъ помянникѣ явленіе вполне естественное; но въ данномъ случаѣ важно не самое занесеніе имени Исаіи въ помянникъ, но именно *точное обозначеніе времени его кончины*. Последнее обстоятельство указываетъ на то, что лицо, заносившее Копинскаго для поминовенія въ синодикъ, *знало о днѣ его кончины*, а это въ свою очередь даетъ основаніе думать, что и самая кончина Исаіи случилась, такъ сказать, на глазахъ у этого лица. Ознакомленіе съ тогочасными помянниками вполне подтверждаетъ наше предположеніе. Точное обозначеніе времени кончины тѣхъ или иныхъ лицъ находится именно въ мѣстныхъ синодикахъ. Исключенія въ данномъ случаѣ замѣчаются чрезвычайно рѣдко.

Если къ сказанному присовокупимъ, что, не смотря на тщательныя розыски въ тогочасныхъ актахъ, мы не нашли никакихъ свѣдѣній о дальнѣйшихъ (послѣ 1637 г.) процессахъ Исаіи Копинскаго противъ Петра Могилы, и, вообще, имя перваго за послѣдніе немногіе годы его жизни покрыто какъ бы историческимъ туманомъ, то этимъ исчерпывается вся извѣстная доселѣ фактическая сторона по данному предмету.

Вопросъ о томъ, какъ смотрѣть (съ юридической и, въ особенности, нравственной точекъ зрѣнія) на избраніе Петра Могилы на митрополию и его отношенія къ своему предшественнику по кафедрѣ Исаіи Копинскому, неоднократно поднимался въ нашей исторической литературѣ, но рѣшался не одинаково,—иногда не одинаково до противоположности. Последнее зависѣло не только отъ наличности имѣвшихся въ извѣстное время данныхъ по означенному вопросу, но и отъ различнаго критическаго отношенія къ этимъ даннымъ, болѣею частью обуславливавшимся личными воззрѣніями того или иного писателя (тоже иногда различными) на дѣятельность и нравственныя качества знаменитаго митрополита. Устойчиваго, общепринятаго мнѣнія относительно сего не существуетъ и доселѣ. Поэтому на авторѣ спе-

⁴³⁾ Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. II, стр. 204.

ціальної монографіи о Петрѣ Могилѣ лежитъ прямая обязанность высказать по данному вопросу свое научно мотивированное мнѣніе.

Начнемъ съ того, о чемъ была уже у насъ рѣчь въ I томѣ настоящего изслѣдованія: съ выясненія причинъ, побудившихъ православныхъ избрать (въ указанное нами время) на митрополию и епископіи (кромѣ львовской) новыхъ лицъ, минуя прежнихъ, давно уже избранныхъ на кафедрѣ. Возобновить эту рѣчь считаемъ необходимымъ, во-первыхъ, потому, что уважаемый рецензентъ на I томѣ нашего сочиненія, авторитетнѣйшій церковный историкъ Е. Е. Голубинскій, существенно разошелся съ нами во взглядѣ по означенному вопросу ⁴⁴⁾, а, во-вторыхъ, для того, чтобы сдѣлать важное дополненіе и разъясненіе къ высказанному нами по сему предмету прежде. Значеніе же устойчиваго рѣшенія о законности или незаконности избранія Петра Могилы на митрополию для уясненія (въ смыслѣ оправданія или осужденія) его дальнѣйшихъ отношеній къ Исаи Кошинскому, понятно безъ объясненій.

Е. Е. Голубинскій говоритъ, что „вступленіе Петра Могилы на митрополичью кафедру, которую онъ занялъ подѣ живымъ митрополитомъ, до сихъ поръ составляетъ вопросъ. Именно составляетъ вопросъ то: самъ ли онъ постарался устранить предшественника, чтобы занять его мѣсто или онъ только занялъ мѣсто, съ котораго предшественникъ былъ устраненъ помимо его.“ Преосв. Макарій въ своей Исторіи Церкви рѣшилъ этотъ вопросъ такъ, что православные были принуждены къ избранію новаго митрополита и епископовъ непреклонностью короля, не хотѣвшаго признать прежнихъ іерарховъ, *какъ не признававшихся прежнимъ правительствомъ* (польское правительство хотѣло оставаться *вѣрнымъ себѣ*) ⁴⁵⁾. Мы не соглашались въ данномъ случаѣ съ преосв. Макаріемъ. Отношенія Владислава къ православнымъ въ данное время—говорили мы—не даютъ основанія для подобнаго предположенія. Да и какой смыслъ имѣла бы эта непреклонность, когда русскому народу предоставлено право имѣть іерарховъ и вообще касированы были стѣснительныя противъ греко-восточной церкви постановленія?—Дарованныя православнымъ права (разумѣется возстано-

⁴⁴⁾ См. Отчетъ Академіи Наукъ о двадцать седьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова. С.-пб. 1885 г. стр. 61—77.

⁴⁵⁾ Исторія Русск. Церкви, XI. 443.

вление іерархіи) безспорно легли въ основу ихъ рѣшенія избрать *новыхъ* іерарховъ, дали имъ, такъ сказать, законно офіціальное основаніе произвести это избраніе, но мотивы могли быть въ данномъ случаѣ другіе.—Мы говорили, что православнымъ депутатамъ избраніе новыхъ лицъ на митрополию и епископіи могло представляться дѣломъ наиболѣе выгоднымъ и полезнымъ. Во-первыхъ, чрезъ это избраніе почти вдвое увеличивалось (хотя и временно) число представителей западно-русской церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ должны были увеличиться и ея религиозно-просвѣтительныя средства; потому что, хотя прежніе іерархи и не могли получить отъ польскаго правительства привиллегій, за раздачею ихъ вновь избраннымъ лицамъ,—тѣмъ не менѣе, въ глазахъ православныхъ, какъ тѣ, такъ и другіе святители должны были считаться законными пастырями; православные какъ къ тѣмъ, такъ и другимъ, могли обращаться за удовлетвореніемъ своихъ церковныхъ нуждъ. Во-вторыхъ, всѣ прежніе іерархи были люди пожилые, даже престарѣлые,—притомъ люди до своего посвященія не занимавшіе высокаго общественнаго положенія, а потому и не имѣвшіе большихъ связей съ могущественною литовско-русскою (а тѣмъ болѣе польскою) аристократіею. Между тѣмъ, обстоятельства времени требовали, чтобы во главѣ церкви находились лица, не только извѣстныя своею приверженностью къ православію, но вмѣстѣ съ тѣмъ энергичныя, дѣятельныя, сильныя по своимъ связямъ,—лица, могущія твердою рукою удерживать дарованныя православнымъ права и съ успѣхомъ отражать нападенія на оныя со стороны иновѣрныхъ противниковъ. Избраніе такихъ лицъ на высшія іерархическія должности должно было казаться полезнымъ и даже необходимымъ. Если же представлялась къ этому возможность, опирающаяся на *законномъ* (по отношенію къ свѣтскому правительству) основаніи,—почему было не воспользоваться ею?

Е. Е. Голубинскій находитъ справедливымъ наше возраженіе преосвящ. Макарію, но вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ и нашу, какъ онъ выражается, „новую попытку дать дѣлу занятія Петромъ Могилою митрополичьей каеэдры такое объясненіе, при которомъ бы вина удаленія съ каеэдры Исаи Копинскаго падала не на него,“—признаетъ *далеко неудовлетворительною*. Первое указываемое нами побужденіе, коимъ православные руководились при избраніи новыхъ митрополита и епископовъ, представляетъ собою—по мнѣнію рецензента—*ничто*

совсѣмъ несостоятельное. „Для удовлетворенія церковныхъ нуждъ—говорить онъ—было достаточно и существовавшего числа епископовъ; между тѣмъ избирать новыхъ епископовъ на мѣста существовавшихъ значило со стороны православныхъ дѣлать ни что иное, какъ самимъ имѣть желаніе возжечь въ средѣ своей высшей іерархіи губительнѣйшее пламя междусобной вражды и войны. Возможно ли допустить, чтобы православные могли имѣть желаніе сдѣлать это? Правда, что свирѣпствованія вражды и войны мы не видимъ, за исключеніемъ той и другой между Исаіей Копинскимъ и Петромъ Могилой; но должно думать, что послѣдній имѣлъ искусство и силу подавить ихъ, а православные, конечно, не могли этого предвидѣть... Усвоить православнымъ второе побужденіе было бы до нѣкоторой степени основательно, если бы мы видѣли одну замѣну Исаіи Копинскаго Петромъ Могилою, потому что послѣдній дѣйствительно представлялъ собою человека, отвѣчавшаго исключительнымъ обстоятельствамъ времени, тогда какъ первый по своему происхожденію неродовитый, въ минуту полученія православными отъ правительства ихъ правъ и привилегій—больной и, какъ кажется, вообще дряхлый, могъ быть находимъ по этимъ исключительнымъ обстоятельствамъ времени недостаточно надежнымъ. Однако не Исаія только Копинскій былъ замѣненъ Петромъ Могилою, а на мѣсто всѣхъ не признававшихся правительствомъ епископовъ были избраны новые епископы. Но чтобы для замѣны одного народъ рѣшился пожертвовать многими, притомъ съ указанною выше опасностью—возжечь въ средѣ своей высшей іерархіи губительнѣйшую внутреннюю брань, это представляется весьма невѣроятнымъ.“

Отвергнувъ наши (преосвящ. Макарія и мое) мнѣнія по данному вопросу, Е. Е. Голубинскій выступаетъ съ рѣзкимъ обвинительнымъ актомъ противъ Петра Могила, считая его единственнымъ виновникомъ низверженія не только Исаіи Копинскаго съ митрополіи, но и всѣхъ остальныхъ іерарховъ съ кафедръ епископскихъ. Разсужденія уважаемаго нашего рецензента таковы: „Принимая во вниманіе свидѣтельство современника Іоакима Іерлица, что Петръ Могила успѣлъ восхитить митрополію у Исаіи при помощи своихъ пріятелей, принимая во вниманіе, что изъ огромнаго количества православныхъ, прибывшихъ въ Варшаву на избирательный сеймъ, на которомъ состоялось его избраніе, подъ актомъ этого избранія подписалось только 49 человекъ, что онъ поспѣшилъ отпра-

вить пословъ въ Константинополь къ патриарху за утвержденіемъ въ самый день полученія отъ короля грамоты на митрополию, что онъ хотѣлъ посвятиться въ митрополиты не въ Кіевѣ, а во Львовѣ, вообще, помимо свидѣтельства Іерлича, принимая во вниманіе все поведеніе Петра Могилы, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что при содѣйствіи своихъ доброжелателей и, какъ выражается Іерличъ, пріятелей между русской и польской знатію онъ самъ успѣлъ достигнуть того, чтобы Исаія, освободилъ ему мѣсто на каедрѣ митрополичьей, былъ удаленъ съ послѣдней.“ Въ числѣ возраженій противъ такого мнѣнія, Е. Е. Голубинскій предвидитъ указаніе на тотъ фактъ, что устраненъ съ каедръ митрополичьей не одинъ Исаія, а вмѣстѣ съ нимъ устранены отъ каедръ епископскихъ и всѣ прежніе не признававшіеся правительствомъ епископы, т. е., предвидитъ то возраженіе, какое самъ онъ высказалъ, опровергая наше мнѣніе. Но это возраженіе Е. Е. Голубинскій, по отношенію къ своему мнѣнію, устраняетъ слѣдующимъ соображеніемъ: „Если невѣроятно допустить то, чтобы цѣлое русское общество для замѣны на каедрѣ митрополіи Исаіи Копинскаго Петромъ Могилою рѣшилось отстранить отъ каедръ и всѣхъ епископовъ, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что одинъ человекъ для удовлетворенія своего честолюбія не остановился передъ необходимостью принести себѣ въ жертву многихъ. Занятіе Петромъ Могилою каедръ митрополичьей могло получить видъ легальности только въ томъ случаѣ, если будутъ лишены каедръ всѣ прежде не признававшіеся правительствомъ епископы: онъ и успѣлъ достигнуть того, чтобы каедръ митрополичья была освобождена для него именно такимъ образомъ.“

Если историкъ, отличающійся общепризнаннымъ критическимъ талантомъ и широкимъ объективизмомъ и причисляющій Петра Могилу къ историческимъ дѣятелямъ съ „великими достоинствами,“ мыслить объ обстоятельствахъ, при которыхъ состоялось его избраніе на митрополию, какъ о фактѣ, бросающемъ чрезвычайно мрачную тѣнь на нравственныя качества нашего митрополита,—то, разумѣется, еще нѣчто худшее можно ожидать во взглядахъ на удаленіе съ каедръ Копинскаго мѣхъ лицъ, которыя, не отличаясь безпристрастіемъ, имѣютъ ложныя представленія о Петрѣ Могилѣ, которыя „всю жизнь нашего митрополита и всю его политическую дѣятель-

ность“ считают „притупляющимъ русское сознание явленіемъ,“ — какъ это и можно усматривать въ сужденіяхъ П. А. Кулиша ⁴⁶⁾.

Но подобныя нареканія на Петра Могилу по поводу избранія его на митрополию не могутъ быть признаны состоятельными.

Всѣ прежніе издѣлователи, касавшіеся разсматриваемаго вопроса, и мы лично упустили изъ виду тотъ, имѣющій въ данномъ случаѣ важное значеніе, фактъ, что въ Польшѣ и западно-русскихъ областяхъ высшія іерархическія мѣста съ соединенными съ ними бенефіціями (равно какъ свѣтскія высшія должности) могли быть предоставляемы *заслуженнѣйшимъ и славнѣйшимъ шляхтичамъ* той земли, въ какой будетъ свободно мѣсто, т. е., въ землѣ краковской обывателю краковскому, въ перемышльской — перемышльскому, и т. д. ⁴⁷⁾. Узаконеніе объ этомъ не разъ вносимо было въ сеймовыя постановленія и подтверждается королями ⁴⁸⁾. Уклоненій отъ этого узаконенія въ важнѣйшемъ его пунктѣ (относительно шляхетства) за разсматриваемое время не встрѣчается, да ихъ, при господствѣ въ Польской Коронѣ шляхетскихъ воззрѣній, и быть не могло. Рѣдкія же уклоненія отъ той части узаконенія, гдѣ говорится о предоставленіи вакантныхъ высшихъ должностей кореннымъ обывателямъ („землявамъ“), всегда вызывали сильныя волненія и протесты ⁴⁹⁾. Поэтому въ избирательныхъ актахъ на высшія іерархическія должности (и утвердительныхъ грамотахъ на оныя короля) на ряду съ нравственными качествами избираемаго лица и его заслугами для церкви или отечества, встрѣчаемъ указанія и на благородство его происхожденія, на *родовитость*.

Но въ 1620 г., когда іерусалимскимъ патріархомъ Теофаномъ возстановляема была западно-русская іерархія, избраны были на святитель-

⁴⁶⁾ Разумѣемъ преимущественно одинъ изъ послѣднихъ его трудовъ („Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“), помѣщенный въ *Чтеніяхъ Императорскаго Общества и Древ. Росс. при Моск. Университетѣ* за 1888 г.

⁴⁷⁾ *Statuta y metryka przywilejow koronnych* (Мѣсто и годъ изданія не обозначены; книга хранится въ библиотекѣ Кіев. Университета подъ № 47116). См. по сему предмету постановленіе 1433 г. при Ягайлѣ, на стр. 181.

⁴⁸⁾ Такъ въ 1538 г. Сигизмундъ Августъ общалъ, что „*żadnemu narotum na wieczne czasy cudzoziemcowi jakich zamkow abo dostoinstw niedamy, ani potowkowie naszy nie dadzą.*“

⁴⁹⁾ См. *Żywoty biskupów Wileńskich Ks. Win. Przyłgowskiego*. 1860. т. II, стр. 28—29. См. настоящаго изслѣд. т. I, прилож. № XV, стр. 46. *Deklaratio statutów koronnych y beneficij Russkich*, изд. 1612 г. (см. предисловіе).

скія кафедръ, ббльшею частью, лица неродовитыя, а одинъ изъ избранниковъ былъ даже *чужеземецъ*. Разумѣется, это зависѣло отъ исключительныхъ, изъ ряда вонъ выходящихъ обстоятельствъ, при которыхъ происходило означенное избраніе: оно совершалось въ глубокой тайнѣ отъ правительства, не сообщалось королю для обычной „презентаціи“ или „подаванья“ избранныхъ лицъ, было, такимъ образомъ, съ правительственной точки зрѣнія нелегальнымъ и, какъ таковое, ставило вступающій на кафедры лицъ въ ненормальныя отношенія къ государственной власти. Это съ одной стороны,—а съ другой, по той же причинѣ, оно не могло доставить и тѣхъ матеріальныхъ выгодъ („духовныхъ хлѣбовъ“, „бенефицій“) и прерогативъ, которыя при обычномъ порядкѣ соединялись съ полученіемъ святительскаго сана. Понятно, что при такомъ положеніи дѣла кафедры не могли быть предметомъ соискательства со стороны родовитой знати, какъ это мы усматриваемъ въ предшествующее, предъ введеніемъ униі, время, когда права православной западно-русской церкви и іерархіи не были нарушены. Православные, такимъ образомъ, имѣли полную возможность избрать на митрополичью и епископскія кафедры излюбленныхъ лицъ, руководствуясь исключительно личными ихъ достоинствами и заслугами для церкви (не принимая во вниманіе родовитости или неродовитости ихъ). Такъ они и поступили... Впослѣдствіи, когда польское правительство не признало возстановленныхъ патріархомъ Теофаномъ іерарховъ за таковыхъ, какъ незаконно, безъ вѣдома короля, получившихъ святительскій санъ, и по этому поводу между православными и латино-униатами возгорѣлась жаркая полемика,—православные іерархи отстаивали законность своего посвященія преимущественно съ канонической точки зрѣнія и не отрицали его исключительности, несоотвѣтствія съ существующими узаконеніями, по государственнымъ воззрѣніямъ. Передъ правительствомъ они оправдывались въ несоблюденіи государственныхъ узаконеній, по случаю ихъ избранія на кафедры, неотложными нуждами церкви, побудившими ихъ принять посвященіе безъ королевской презентаціи, съ надеждами „на ласку“ короля, не разъ обѣщавшаго успокоить греческую (православную) церковь. Ратуя исключительно за интересы церкви, новопоставленные іерархи заявляли даже, что они готовы уступить свои кафедры и посвятить на нихъ другихъ достойныхъ и избранныхъ согласно съ церковными канонами и государственнымъ узаконеніями лицъ, если

только король изъявить на это свое согласіе и не откажетъ утвердить за послѣдними извѣстныя бенефиціи и прерогативы ⁵⁰⁾. Словомъ, незаконность своего посвященія съ *государственной точки зрѣнія* сознаваема была самими, поставленными п. Теофаномъ, іерархами (по крайней мѣрѣ нѣкоторыми изъ нихъ).

Послѣ сказаннаго мы имѣемъ достаточное основаніе предполагать, почему православные, добившись на избирательномъ сеймѣ 1632 года возстановленія своей іерархіи въ смыслѣ оффиціального признанія ея правительствомъ, не представляли на утвержденіе короля прежнихъ митрополита и епископовъ, а приступили къ избранію на ихъ мѣста новыхъ. Поступили они такъ не потому, что король былъ бы непреклоненъ признать за прежними іерархами *святительскій санъ*, какъ полученный ими безъ соизволенія Рѣчи Посполитой, ибо—повторяемъ—подобный взглядъ правительства былъ бы несогласенъ съ состоявшимся возстановленіемъ правъ православной церкви. Поступили они такъ первѣе всего потому, что прежніе іерархи по своему происхожденію не принадлежали къ числу *тѣхъ лицъ*, которые, по государственнымъ узаконеніямъ того времени, имѣли право на занятіе святительскихъ кафедръ, или, точнѣе, на *полученіе бенефицій*, „*духовныхъ хлѣбовъ*," соединенныхъ съ этими кафедрами.

Предвидимъ сильное возраженіе, основанное на исключительности положенія, въ какомъ находилась въ разсматриваемое время западно-русская церковь. Оффиціальное возстановленіе іерархіи совершилось въ то время, когда она фактически уже существовала. Слѣдовательно по настоянію православныхъ, кафедры съ приуроченными къ нимъ бенефиціями могли быть предоставлены прежнимъ іерархамъ *въ видѣ исключенія, вызываемаго обстоятельствами*.

Но православные, по нѣкоторымъ небезосновательнымъ соображеніямъ, сами не должны были настаивать на подобномъ исключеніи.

Мы знаемъ, какихъ громаднхъ трудовъ и усилій стоило православнымъ добиться на сеймѣ юридическаго возстановленія правъ своей церкви; знаемъ, какія препятствія воздвигаемы были при достиженіи этой цѣли почти на каждомъ шагу латинско-уніатскими депутатами. Въ будущемъ предвидѣлась (что и случилось на самомъ дѣлѣ) новая

⁵⁰⁾ Justificacia niewinności..., изд. 1622, л. 21, (напечатана нами въ полномъ видѣ въ *Архивъ Юго-Зап. Россіи* ч. I. т. VII, стр. 511—532.

борьба за фактическое осуществленіе означенныхъ правъ. Поэтому (если даже имѣтъ въ виду только сказанное), благоразумно ли было со стороны православныхъ просить короля объ упомянутомъ исключеніи (т. е. о нарушеніи существующихъ узаконеній) для прежнихъ своихъ іерарховъ? Безъ сомнѣнія, подобная просьба вызвала бы новыя протесты и притомъ со стороны не однихъ только латино-уніатовъ, и создались бы новыя затрудненія для фактическаго пользованія правомъ, приобрѣтеннымъ православными послѣ столь великихъ затрудненій,—правомъ имѣть іерархію съ *прерогативами ей присущими*. Это во-первыхъ

Во-вторыхъ, естественное и законное (съ государственной точки зрѣнія) теченіе дѣлъ по данному вопросу православные могли находить для пользы церкви наиболѣе благопріятнымъ. Не будемъ сильно настаивать на той мысли, что чрезъ избраніе новыхъ іерарховъ временно почти вдвое увеличивалось число представителей з. русской церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ должны были увеличиться и ея религіозно-просвѣтительныя средства (хотя, разумѣется, и это имѣло не мало-важное значеніе); но съ полнымъ убѣжденіемъ выдвигаемъ на первый планъ свое мнѣніе о томъ, что прежніе іерархи, какъ лица пожилыя, даже престарѣлыя, притомъ бѣдныя, не выдававшіяся по своему образованію, не имѣвшія большихъ связей съ могущественною литовско-русскою (а тѣмъ болѣе польскою) аристократіею, не могли успѣшно бороться съ сильными и могущественными противниками православной церкви и отстаивать ея правовое положеніе въ государствѣ. Повторяемъ, для этого нужны были лица не только извѣстныя своею приверженностію къ православію (каковую извѣстность имѣли и прежніе іерархи), но вмѣстѣ съ тѣмъ энергичныя, дѣятельныя, сильныя по своимъ связямъ,—лица, могущія твердою рукою удерживать дарованныя православнымъ права и съ успѣхомъ отражать нападенія на оныя со стороны иновѣрныхъ противниковъ. И если даже такія лица—какъ увидимъ впоследствии—изнемогали иногда подъ тяжестію дѣлаемыхъ на нихъ нападеній со стороны своихъ, сильныхъ положеніемъ и численностію, противниковъ,—то какое противодѣйствіе могли бы оказывать этимъ противникамъ прежніе „немоцные“ іерархи?!

Это лицезая сторона разсматриваемаго вопроса: побужденія, которыми руководствовались православные въ данномъ случаѣ, такъ сказать, высшаго порядка—законныя, чистыя, безукоризненныя. Но, безъ

сомнѣнія, были со стороны нѣкоторыхъ лицъ побужденія при этомъ и нечуждыя личныя интересы, хотя эти послѣднія и были возможны при наличности первыхъ.

Дѣло въ томъ, что если въ предшествовавшія десятилѣтія, когда православная западно-русская церковь находилась въ угнетенномъ положеніи и лишена была законныхъ своихъ правъ, а ея епископскія кафедръ присущихъ имъ бенефицій и прерогативъ, поступленіе на высшія іерархическія мѣста мало представляло привлекательнаго для лицъ, „не чуждыхъ славы свѣта сего,“—то, съ офиціальнымъ возстановленіемъ означенныхъ правъ церкви и юридическимъ признаніемъ православной іерархіи, положеніе дѣлъ измѣнялось. Высшія іерархическія мѣста вновь, какъ это было и до введенія уніи, представляли почетное (и въ смыслѣ государственномъ) и, до извѣстной степени, матеріально обезпеченное положеніе. Неудивительно, что мѣста эти опять могли сдѣлаться предметомъ соискательства для родовитой знати, склонной къ духовному званію. Такія родовитыя лица нашлись и въ разсматриваемое время, причемъ между ними были даже не всѣ, имѣвшія на то право по каноническимъ правиламъ православной церкви. Безъ сомнѣнія, эти лица и ихъ пріатели могли сочувственно относиться къ устраненію прежнихъ іерарховъ и въ виду своихъ личныя интересовъ.

Обращаемся къ Петру Могилю. Что у него (въ виду представившейся къ тому возможности) было желаніе занять митрополичью кафедру, и что онъ для осуществленія означеннаго желанія прилагалъ не мало стараній и хлопотъ,—этого мы отрицать не можемъ и не отрицаемъ. Но подобныя хлопоты и старанія, какъ вызванныя измѣнившимся положеніемъ правъ западно-русской церкви и вытекавшими отсюда для нея послѣдствіями, не даютъ еще основанія считать Петра Могила виновникомъ устраненія съ кафедры Исаіи Копинскаго, а тѣмъ болѣе и другихъ западно-русскихъ іерарховъ. Означенное устраненіе, по указаннымъ выше соображеніямъ, было дѣломъ неизбежнымъ. Если бы Петръ Могила и уклонился отъ занятія митрополичьей кафедры, или если бы его (Могила) въ данное время и вообще не было на свѣтѣ,—сущность дѣла по данному вопросу не измѣнилась бы: Исаія Копійскій и прежніе іерархи, занявшіе святительскія кафедры во время пріѣзда въ Кіевъ іерусалимскаго патріарха Ѳеодана, все равно не удержали бы ихъ за собою. Такимъ образомъ,

Петръ Могила хлопоталъ о представленіи ему *освобождавшася мѣста*,—хотя и при особенныхъ, исключительныхъ обстоятельствахъ. Только Исаія Копинскій, не отличавшійся дальновидностью и притомъ съ предубѣжденіемъ относившійся къ Могилѣ, и лица, раздѣлявшія его взгляды на кіево-печерскаго архимандрита или же мало ознакомленные съ истиннымъ положеніемъ тогочасовенныхъ дѣлъ,—могли говорить, что Могилою для достиженія митрополичьаго сана употреблены были *козни* относительно прежняго митрополита. Укорять же Петра Могила исключительно за то, что онъ желалъ занять и занялъ митрополичью кафедру (неизбѣжно имѣвшую быть свободною), значить укорять и всѣхъ лицъ, стремящихся, безъ нарушенія существующихъ узаконеній, къ достиженію высшихъ почестей (удостоенію „сугубя чести“). Подобной укоризны нашъ митрополитъ тѣмъ менѣе заслуживаетъ, что онъ всею своею послѣдующею жизнію и дѣятельностію доказалъ, сколь онъ былъ достоинъ этого высокаго іерархическаго поста.

Въ частности, что касается до мнѣнія Е. Е. Голубинскаго, будто Петръ Могила съ цѣлію придать видъ легальности своему избранію на митрополию, рѣшился отстранить отъ кафедры не только Исаію Копинскаго, но и всѣхъ епископовъ,—„всѣхъ ихъ принесъ въ жертву для удовлетворенія своего честолюбія,“—то это мнѣніе представляетъ изъ себя нѣчто весьма несостоятельное. Допустить оное значить, съ одной стороны, приписать Петру Могилѣ сказочную богатырскую силу относительно вліянія его на ходъ историческихъ событій того времени (что невѣроятно), а съ другой—низвести до нуля значеніе православныхъ депутатовъ, бывшихъ на сеймахъ, да, пожалуй, и всего православнаго общества, якобы равнодушно смотрѣвшихъ на такое „жертвоприношеніе“ своихъ іерарховъ въ угоду одному лицу для удовлетворенія его честолюбія.. Притомъ, если бы Петръ Могила обладалъ такимъ сказочнымъ вліяніемъ, то, безъ сомнѣнія, замѣщеніе и всѣхъ освободившихся чрезъ устраненіе прежнихъ іерарховъ кафедръ происходило бы по его желанію и намѣреніямъ, что, однако (какъ увидимъ), не всегда такъ случалось и даже вызывало иногда сильное неудовольствіе и протесты со стороны новоизбраннаго митрополита.

Такимъ образомъ, вступленіе Петра Могила на кіевскую митрополию было вполнѣ легальнымъ съ государственной точки зрѣнія и

безупречнымъ съ нравственной; вполне законнымъ оно было и со стороны канонической. Исаія Копинскій, не признаваемый за митрополита правительствомъ, не былъ полноправнымъ, вполне законнымъ митрополитомъ и съ канонической точки зрѣнія; ибо посвященный на митрополию случайно проѣзжавшимъ черезъ западно-русскія области греческимъ Верейскимъ митрополитомъ, онъ не оформилъ своего посвященія чрезъ сношеніе съ константинопольскимъ патріархомъ съ цѣлію полученія отъ послѣдняго, такъ называемой, „сакры“ (благословенія), что—вслѣдствіе существовавшей въ то время зависимости въ іерархическомъ отношеніи западно-русской церкви отъ константинопольскаго патріарха—было дѣломъ необходимымъ. Разумѣется, это опущеніе со стороны Исаіи было какъ бы невольное, обусловливалось особыми обстоятельствами, при которыхъ онъ вступилъ на митрополию (для отправленія посольства къ патріарху нужны были пропускныя охранныя грамоты отъ имени короля, которыя Копинскому, какъ не признаваемому правительствомъ въ означенномъ санѣ, выданы быть не могли; для посольства нужны были значительныя средства, которыхъ Исаія не имѣлъ). Тѣмъ не менѣе, когда запла рѣчь объ устраненіи Исаіи съ митрополи, вызываемомъ насущными потребностями новаго порядка вещей (возстаповленіемъ правъ православной церкви), это неимѣніе имъ сакры облегчило для Петра Могилы занятіе кievской митрополичьей кафедрой: послѣднему безъ затрудненія могло быть дано (и на самомъ дѣлѣ дано) благословеніе на оную („сакра“) отъ константинопольскаго патріарха; въ связи съ этимъ, безъ затрудненія и безъ нарушенія каноническихъ постановленій, исходатайствовано было и самое устраненіе Копинскаго отъ управленія южно-русскою митрополию.

Мы видѣли, что Исаія Копинскій не хотѣлъ добровольно подчиниться неизбѣжной необходимости—уступить первосвятительскую кафедру нововизбранному на нее другому лицу, не внялъ указанному патріаршему распоряженію, не остановился передъ опасностью произвести смуту въ церкви. Крутыя мѣры, принятыя Петромъ Могилою по отношенію къ непокорному старцу, вызывались такимъ образомъ печальною необходимостью. Притомъ самыя эти мѣры—„опрессіи,“ чинимыя прежнему митрополиту (даже если оставимъ въ сторонѣ естественныя предположенія объ ихъ преувеличеніяхъ въ жалобахъ Исаіи,—что при судебныхъ тяжбахъ въ то время было дѣ-

ломъ обычнымъ), находятъ оправданіе въ его собственномъ поведеніи, въ его неискрывныхъ отношеніяхъ къ новому митрополиту. Припомнимъ главные моменты этихъ отношеній. Петръ Могила послѣ своего посвященія во Львовѣ пріѣзжаетъ въ Кіевъ и встрѣчаетъ здѣсь не одни панегирики отъ лицъ, ему сочувствовавшихъ, но и протесты со стороны Исаи и его сторонниковъ, протесты столь сильныя, что законность вступленія Могилы на митрополию въ извѣстной части общества *подвергается сомнѣнію*.—Какъ превратить церковную смуту, грозящую гибельными для православія послѣдствіями?... Берутъ непокорнаго старца изъ Кіево-Михайловской обители и водворяютъ его въ Лаврѣ. Исаія смиряется: даетъ письменное удостовѣреніе, что отрекается отъ митрополичьяго титула... Какъ поступаетъ съ нимъ Могила?—Онъ опять возвращаетъ его въ Кіево-Михайловскій монастырь съ предоставленіемъ по прежнему управленія онымъ, а также оставляетъ въ вѣдѣніи Исаи заднѣпровскія обители. Такимъ образомъ, положеніе старца остается достаточно обезпеченнымъ и сравнительно почетнымъ. Нужно бы жить спокойно и благодарить Бога. Но недружелюбіе по отношенію къ Петру Могилѣ и предубѣжденіе противъ него не даютъ Исаи покоя: онъ оставляетъ свою обитель и ѣдетъ съ жалобами на митрополита къ королю. Мы видѣли, что относительно этого выѣзда Исаи изъ обители существуютъ данныя, идущія съ разныхъ сторонъ (изъ противоположныхъ лагерей) и совершенно противорѣчивыя. Допустимъ, что болѣе правды въ заявленіяхъ Исаи, т. е., что онъ, какъ болѣе, слабый, терпѣль притѣсненія отъ болѣе сильнаго противника—Петра Могилы и исполнителей его воли. Но вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ допустить и то, что эти притѣсненія чѣмъ-либо были вызваны,—и, кажется, принимая во вниманіе предшествовавшія и послѣдующія отношенія къ Петру Могилѣ Исаи (вообще взгляды Исаи на Могилу), можно безошибочно предполагать, чѣмъ именно они вызваны. Послѣ сейма 1635 года, когда польское правительство увидѣло, какъ трудно осуществить принятое имъ примиреніе православныхъ съ униатами на почвѣ юридическихъ постановленій, имъ вновь выдвинутъ былъ пресловутый планъ о соглашеніи первыхъ съ послѣдними и вообще съ римскою церковію на почвѣ религіозной. Толки объ этомъ, безъ сомнѣнія, дошли до Исаи Копинскаго и, какъ близко касавшіеся его возрѣвнѣй относительно чистоты православія Петра Могилы, вызвали неосторожные

(обычные у него) отзывы о „шаткости въ вѣрѣ“ его преемника по кафедрѣ. Разумѣется, это должно было къ худшему измѣнить отношенія Могилы къ Исаи и притомъ исключительно по винѣ послѣдняго. Неожиданный отъѣздъ Исаи съ жалобами къ королю на Могилу долженъ былъ побудить нашего митрополита опять прибѣгнуть къ суровымъ мѣрамъ относительно неугомоннаго старца: въ это время онъ устраняется отъ управленія Кіево-Михайловскимъ монастыремъ, а также лишается своихъ заднѣпровскихъ обителей.—Въ Луцкѣ, въ присутствіи Петра Могилы и многочисленнаго духовенства, Исаія, вынужденный обстоятельствами, испрашиваетъ у митрополита прощенье за свои враждебныя противъ него дѣйствія, признаетъ всѣ начатые противъ него процессы несправедливыми и о прекращеніи ихъ лично заявляетъ въ мѣстномъ (Луцкомъ) судѣ. Но не проходитъ послѣ того и двухъ мѣсяцевъ, какъ повѣреннымъ неугомоннаго старца въ градскомъ Владимірскомъ судѣ (вообще охотно предлагавшемъ свои книги для занесенія протестацій противъ нашего митрополита) подается новая жалоба на Петра Могилу, гдѣ прежнее луцкое заявленіе Исаи о прекращеніи исковъ противъ митрополита признается вынужденнымъ подъ угрозою смерти („гвалтовне до того примусиль, на здраве отповѣлаючи,“ — что въ присутствіи многочисленнаго духовенства представляется дѣломъ маловѣроятнымъ; безъ сомнѣнія, здѣсь „предъ лицомъ многихъ свидѣтелей“ выставлялась на видъ неблаговидность поступковъ Исаи и дѣлались ему увѣщанія, хотя, надо полагать, и въ суровыхъ выраженіяхъ). Новыя жалобы Исаи хотя и обращаютъ на себя вниманіе правительства, но не сопровождаются желаемыми для „протестующаго“ послѣдствіями: отнятыя обители ему не возвращаются. Исаія удаляется въ Польшу, и что же здѣсь дѣлается?—Разглашаетъ непровѣренныя, ложныя слухи о томъ, что митрополитъ окончательно измѣнилъ православію, перешелъ въ унию, получивъ въ награду за это отъ римскаго папы патріаршее званіе, что кіевскіе монастыри и церкви предназначены для передачи лагינוуніатамъ и т. п.,—и чрезъ распространеніе такихъ слуховъ производитъ въ заднѣпровскихъ монастыряхъ положительное возмущеніе: убѣждаетъ тамошнихъ иноковъ, по поводу измѣны православію митрополита и предстоящихъ якобы вслѣдствіе этого гоненій за вѣру, бѣжать въ сосѣднее единовѣрное государство.—Что оставалось дѣлать митрополиту, берегущему свою паству, для прекращенія подобныхъ

церковныхъ смуть, какъ не прибѣгнуть къ послѣдней мѣрѣ—лишить свободы неугоднаго старца и поставить его въ невозможность производить дальнѣйшія возмущенія въ средѣ легковѣрныхъ своихъ почитателей? Скажемъ болѣе: могъ ли поступить иначе всякій другой благоразумный іерархъ въ положеніи Могилы и при подобныхъ обстоятельствахъ?

Преосв. Макарій въ своей Исторіи Русской Церкви, изложивъ въ существенныхъ чертахъ, на основаніи нашего юношескаго труда, столкновеніе между прежнимъ и новымъ митрополитами, замѣчаетъ: „Вообще эта печальная исторія столкновеній между двумя митрополитами, Исаіею Копинскимъ и Петромъ Могилою, намъ кажется, болѣе бросаетъ тѣни на перваго, чѣмъ на послѣдняго“⁵¹⁾. Въ настоящее время мы имѣемъ возможность сказать по означенному вопросу гораздо болѣе: мы думаемъ, что въ этомъ дѣлѣ Петръ Могила и не можетъ подлежать серьезнымъ нареканіямъ. Его крутыя мѣры по отношенію къ Исаіи были *прискорбною необходимостью*, вызывавшеюся самимъ же Исаіей, упрямо, вопреки очевидности, не желавшимъ понять потребностей времени и согласовать съ ними свое измѣнившееся положеніе. Единственнымъ смягчающимъ вину Исаіи обстоятельствомъ при столкновеніяхъ его съ Могилою можетъ служить искреннее съ его стороны убѣжденіе въ склонности нашего митрополита къ латино-уніатству, а также непоколебимая увѣренность во вредѣ для православія прогрессивныхъ стремленій Могилы въ научномъ и иныхъ отношеніяхъ. Разумѣется, эти неосновательныя, но съ точки зрѣнія Исаіи чистыя побужденія къ его противленію своему преемнику по митрополіи, не исключаютъ возможности побужденій къ сему, основанныхъ и на слабостяхъ человѣческихъ—оскорбленномъ самолюбіи, личныхъ счетахъ и т. п.

Непосредственно по приѣздѣ Петра Могилы въ Кіевъ (послѣ посвященія на митрополію во Львовѣ) испытано было имъ и другое огорченіе: непослушаніе и протесты со стороны иноковъ Пустынно-Никольскаго монастыря.

⁵¹⁾ Исторія Рус. Церкви, XI. 506.

Означенный монастырь издавна находился въ нѣкоторой зависимости отъ Кіево-печерской лавры. Эта зависимость выражалась въ томъ, что архимандриты послѣдней утверждали („благословляли и подавали“) для Пустынно-Никольской обители избранныхъ ея братію игуменовъ, имѣли верховный надзоръ за монастырскими порядками и право суда по поводу возникавшихъ въ средѣ иноковъ недоразумѣній. Имя кіево-печерскаго архимандрита, какъ почетнаго опекуна означенной обители, возглашалось здѣсь на эктеніяхъ при богослуженіяхъ. Но указанная зависимость одной обители отъ другой съ теченіемъ времени подвергалась колебаніямъ и иногда значительно ослабѣвала. Впервые такое колебаніе замѣчается съ конца 1571 или начала 1572 г.г. Въ это время братія Никольскаго монастыря избрала изъ своей среды новаго игумена Іоакима и, по обычаю, представила новаго избранника на утвержденіе кіево-печерскому архимандриту. Но послѣдній, по неизвѣстной причинѣ, отказался дать свое благословеніе Іоакиму, не смотря на то, что его просилъ объ этомъ и кіевскій воевода. Тогда нѣкоторые изъ братіи (очевидно сторонники Іоакима) обратились съ жалобою на кіево-печерскаго архимандрита къ королю, и послѣдній грамотою отъ 18 февраля 1572 года подтвердилъ означенное избраніе никольскихъ иноковъ, причемъ за благословеніемъ новоизбранному игумену, а равно за благословеніемъ и будущихъ по немъ игуменовъ, указалъ обращаться къ кіевскому митрополиту. Затѣмъ, въ той же грамотѣ король выставлялъ на видъ никольскимъ инокамъ, что онъ есть „верховный подавца ихъ монастыря,“ а потому всякое новое избраніе игуменовъ въ оный подлежитъ первѣе всего его утвержденію⁵²⁾. Такая „новина“ была непріятна не только для кіево-печерскихъ архимандритовъ, но и для самой никольской братіи. „Архимандритове на тотъ часъ печерскіи (Иларіонъ Песочинскій и его преемники) и старцы никольскіе противъ тому привилееви (упомянутой королевской грамотѣ) и противъ Якимиеви спротивилисе,“ и противленіе это было настолько сильно, что Іоакимъ долженъ былъ „тотъ привилей положити,“ т. е. отказаться отъ него и признать прежнюю зависимость обители отъ кіево-печерскихъ архимандритовъ⁵³⁾. Желаніе послѣднихъ навсегда

⁵²⁾ Акты Ю. и Зап. Рос. т. I. № 165.

⁵³⁾ См. изданные нами *Матеріалы для исторіи западно-русской церкви*. Кіевъ 1891 г. вып. I. № IX, стр. 71 и слѣд.

упрочить свое начинавшее подвергаться колебаніямъ вліяніе относительно Пустынно-Никольскаго монастыря ясно видно изъ пресловутой грамоты великаго князя Китая, во св. крещеніи Андрея Юрьевича (Боголюбскаго), якобы данной имъ кіево-печерской обители въ 1158 году, но, безъ сомнѣнія, сочиненной кіево-печерскимъ архимандритомъ Мелетіемъ Хребтовичемъ-Литаворовичемъ-Богуринскимъ (или по его порученію). Здѣсь, между прочимъ, подчиненіе Пустынно-Никольскаго монастыря Кіево-печерской обители возводится ко временамъ означеннаго князя. Послѣ упомянутаго Іоакима „около двадцати (п. никольскихъ) игуменовъ безъ привилею, только за благословеніемъ и поданемъ архимандритовъ печерскихъ, игуменовали.“ Но случившійся при избраніи Іоакима инцидентъ не забывался и не прошелъ безслѣдно. Въ началѣ втораго десятилѣтія XVII вѣка нѣкто Серапіонъ Бѣльскій отправился къ королю и здѣсь „мимо вѣдомость и позволеніе отцевъ, и старцевъ, и иноковъ монастыря Никольскаго,“ исхлопоталъ себѣ „привилей“ на никольское игуменство и всѣ маестности, принадлежавшія обители. Кіево-печерскій архимандритъ Елисей Плетенецкій воспротивился этому и, по совѣщаніи съ лаврскою капитулою, „низложилъ съ игуменства и строительства Серапіона;“ но послѣдній не внялъ этому опредѣленію и продолжалъ, на основаніи королевской привилегіи, управлять Никольскою обителью самостоятельно. Не обращалъ вниманія и на послѣдующія запрещенія, исходившія изъ Кіево-печерской лавры. Такое самостоятельное, внѣ зависимости отъ лаврскихъ архимандритовъ, управленіе Серапіона Пустынно-Никольскою обителью продолжалось болѣе 20 лѣтъ ⁵⁴⁾.

Петръ Могила, какъ кіево-печерскій архимандритъ, подобно своимъ ближайшимъ предшественникамъ, не могъ быть доволенъ такимъ положеніемъ дѣлъ, нарушавшимъ давнія права управляемой имъ обители, тѣмъ болѣе, что личныя качества и поступки непокорнаго игумена были такого свойства, что (какъ увидимъ ниже) терпимы быть не могли. Поэтому онъ, во время своего пребыванія на сеймахъ, воспользовавшись благопріятно сложившимися для него обстоятельствами, исхлопоталъ правительственное соизволеніе, апробованное коронаціоннымъ сеймомъ 1633 году, о предоставленіи въ его не^посредственное

⁵⁴⁾ Ibid.

вѣдѣніе Кіево-Никольской обители. Разумѣтся, подобное рѣшеніе было непріятно для Серапіона; непріятно оно было и для нѣкоторыхъ, близко стоявшихъ къ нему, иноковъ, привыкшихъ къ жизни далеко не столь строгой, какая требовалась монашескими уставами и каковую Могила (какъ увидимъ) всемірно старался поддерживать во вѣреннѣхъ его управленію и надзору обитателяхъ.

Серапіонъ и нѣкоторые изъ близко стоявшихъ къ нему никольскихъ иноковъ „воспротивились власти отъ Бога постановленной,“ т. е. упомянутому правительственному распоряженію, не признали надъ собою и власти своего законнаго архипастыря, Петра Могилы, и когда онъ вознамѣрился (разумѣтся, съ цѣлію приведенія въ исполненіе упомянутаго постановленія) прибыть въ Кіево-Никольскій монастырь „заборонили и не допустили“ его до этого, причемъ дозволили себѣ непрістойныя выходки противъ митрополита.

Для усмиренія непокорныхъ иноковъ Петръ Могила прибѣгнулъ первоначально къ духовному оружію: обнародовалъ свою митрополитанскую клятву на безбожныхъ чернцевъ. Здѣсь, выставивъ на видъ упомянутое сопротивленіе никольскихъ игумена и братіи, „зневажающее въ его, митрополита, архіерейской персонѣ самого Збавителя,“ онъ въ слѣдующихъ рѣзко-суровыхъ выраженіяхъ изрекаетъ проклятіе на бунтующихъ иноковъ („до часу ихъ обаченя,“ т. е. впредь до раскаянія): „Нехай будутъ—читаемъ въ грамотѣ митрополита—прокляты в душю, тѣломъ, разумомъ, мыслию и всѣми внутренними и позверховными смыслами своими; нехай будутъ прокляты въ монастыри и за монастыремъ; нехай будутъ прокляты въ мѣстахъ, селахъ, поляхъ и во всѣхъ дорогахъ своихъ; нехай будутъ прокляты чуючи и спячы; нехай будутъ прокляты ѣдячы и піючы; нехай будутъ прокляты ходячы и сѣдячы; нехай проклятое тѣло, мозги, кости, жилы и вси члонки ихъ од стопы ножное, ажъ до верху головы не мають здоровья; нехай придетъ на нихъ проклятство чловѣка, которое презъ Моисея в законѣ на сыны незбожности Господь допустилъ, нехай будетъ вымазанное и выглаженное имя ихъ в книгѣ живота и в праведными написано нехай не будетъ; нехай будетъ часть и дѣдицтво ихъ в Каиномъ братоубійцою, в Даааномъ, и Авиронномъ, и Сапфирюю, в Симономъ волфомъ, Иудюю предателемъ, и в тыми, которые мовили Богу: отступи отъ насъ, вѣдомости даровъ Твоихъ не хотимъ; нехай, если се не обачать и не покають, зги-

нутъ въ день судный; нехай пожретъ ихъ огонь вѣчный з дияволомъ и ангелы его. Тоежь нехай се станеть и тымъ всѣмъ, которые бы з христіанъ з ними обцовали, и тую отъ насъ учиненую влѣтву зневажити и тыхъ за непоклятыхъ мѣти важилися. Анаѡема имъ, Анаѡема, Анаѡема, буди, буди“! ⁵⁵).

Но какъ до крайности ни сурова была означенная влѣтва, форма которой въ существенныхъ чертахъ заимствована была Петромъ Могилою отъ церкви католической (что нельзя не признать однимъ изъ неудачныхъ его заимствованій) ⁵⁶), непокорные иноки не вняли ей. Тогда Петръ Могила прибѣгнулъ къ другому оружію. По сказанію Іерлича ⁵⁷), онъ съ вооруженною толпою сдѣлалъ нападеніе на Пустынно-Никольскій монастырь, силою взялъ его и посредствомъ жестокихъ наказаній вымучилъ у иноковъ (биты были по одиночкѣ веревками) свѣдѣнія о томъ, гдѣ спрятаны были деньги и цѣнное церковное имущество. Послѣ такой жестокой расправы, по словамъ того же Іерлича, многіе изъ братіи должны были удалиться изъ монастыря, скитаясь по разнымъ мѣстамъ, а нѣкоторые изъ нихъ рѣшились даже перейти на сторону уніатовъ. Это сказаніе въ существенныхъ чертахъ подтверждается и другимъ современнымъ извѣстіемъ — письмомъ кіевскаго воеводы Тышкевича ⁵⁸), хотя между этими двумя источниками замѣчается и различіе. Такъ, по сказанію Іерлича, во время нападенія Петра Могилы съ вооруженною силою на монастырь, игумень Серапіонъ Бѣльскій съ нѣкоторыми иноками успѣлъ

⁵⁵) Рукоп. сборникъ Московской Синодальной Типографской Библіот. № 2791/449 л. 8 и 9.

⁵⁶) 4 мая 1612 года въ костелѣ Всѣхъ Святыхъ въ Краковѣ краковскій бискупъ съ двѣнадцатью прелатами проклялъ Александра Коцепопольскаго, силою взявшаго изъ монастыря свою невѣсту. Форма проклятія, произнесеннаго католическимъ бискупомъ, въ существенныхъ частяхъ почти дословно сходна съ приведенною нами клятвою Петра Могилы. Именно, о Коцепопольскомъ говорилось, „aby w domu, na ulicy, na roli, iedząc, siedząc, robiąc i chodząc, był przeklęty; aby zdrowego czlonka nie miał od wierchu głowy, aż do stopy nożney, aby wnętrzności z niego wypłynęły i robactwo ciała iego toczyło; nakoniec aby dom iego był spustoszony, aby wymaran został z ksiąg żywota, i z diabłem tylko mieszał.“ (*Dzieła Tadeusza Czackiego zebrane u wydane przez Hr. Edwarda Raczyńskiego*. Poznań. 1844 г. т. II. стр. 33. Свѣдѣнія объ означенномъ проклятіи заимствованы Чацкимъ изъ брошюры іезуита Яна Милопольскаго, изданной въ 1612 году, въ защиту монахинь св. Агнессы).

⁵⁷) Latopisiec albo chroniczka... подъ 1647 г.

⁵⁸) Настоящаго изслѣд. т. I, прилож. № XCII.

убъжать изъ монастыря („z którego,—т. е. изъ монастыря,—ihumen lekko, iako naprzędzėj uciesac z niektorą bracią musiał“). А по извѣстію, исходящему отъ воеводы Тышкевича, Могила обвинялся въ томъ, что онъ отважился, допытываясь о сокрытомъ церковномъ имуществѣ, бить постромками и всячески мучить духовныхъ лицъ, находившихся въ Никольскомъ монастырѣ, въ особенности же самого игумена („Przełożenego zwłaszcza bić postronkami u rozmaicie mordować“). Во всякомъ случаѣ, даже принимая во вниманіе естественныя при жалобахъ и подобныхъ разсказахъ преувеличенія, остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что Никольская обитель, не пожелавшая подчиниться Петру Могилѣ добровольно, была принуждена къ тому *вооруженною силою* (перевѣсомъ матеріальной силы, бывшей на его сторонѣ), причемъ съ непокорными иноками поступлено было сурово до жестокости... Насиліе и жестокость принадлежать къ такимъ явленіямъ, которыя не могутъ вызывать сочувствія. Но независимо отъ обычаевъ и порядковъ того времени (когда законныя права перѣдко и могли быть возстановляемы только силою), смягчающими обстоятельствами при оцѣнкѣ указаннаго поступка со стороны нашего митрополита могутъ служить не только противленіе иноковъ опредѣленію верховной власти, но и самый характеръ, вообще нравственный обликъ игумена Серапіона и его единомышленниковъ.

Какую личность представлялъ собою игумень Вѣльскій и каково было его управленіе Пустынно-Никольскимъ монастыремъ?

Въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ, находящихся въ Московской Синодальной Типографской библіотекѣ, сохранился въ копіи чрезвычайно важный документъ, дающій опредѣленный отвѣтъ на поставленный вопросъ:—это „выписъ съ книгъ судовыхъ монастыря печерскаго кіеaskaго отъ 29 іюля 1626 года“⁵⁹⁾. Изъ документа видно, что нѣкоторые „честные отцы и братія монастыря св. Николы Пустынскаго,“ очевидно, подъ вліяніемъ тяжелыхъ обстоятельствъ вспомнишіе о давней зависимости своей обители отъ Лавры, принесли кіево-печерскому архимандриту жалобу на своего игумена и двухъ единомышленниковъ ему чернцевъ. Въ чемъ состояли эти жалобы, видно

⁵⁹⁾ Напечатана нами въ „Матеріалахъ для исторіи западно-русской церкви.“ Кіевъ, 1891 г. вын. I, № IX, стр. 71—76.

изъ судебнаго опредѣленія лаврской капитулы, въ коемъ заявляется, что „священникъ Серафимъ, прозываемый Бѣльскій, находится въ чину иноческаго выступнымъ, братію взгоршаетъ, пьянствомъ се збытнимъ забавляетъ, до шкody монастырь приводитъ, а честныхъ отцевъ и братію, которые ихъ упоминали и правду мовили, з монастыря по-выгонялъ, братію бьетъ, на люди стреляетъ, якожь Анѣдрѣа Предри-мерскаго зъ самопалу пострелилъ, братолюбіе и церковь зъ церковь роздираетъ, котораго грѣхи, ведлугъ Іоанна Златоустаго, и кровь мученическая не змываетъ“...

Ближайшимъ поводомъ къ занесенію жалобъ на Серапіона было выходившее изъ ряда обыкновенныхъ преступленіе: „замучене и замордоване“ инока Тимоея, котораго первоначально подвергалъ истязаніямъ самъ игумень, а затѣмъ исполнители его воли—чернцы Никодимъ Силичъ и Епифаній. Для окончательной же расправы съ жертвою приглашенъ былъ въ монастырь *киевскій палачъ* (катъ), который при непосредственномъ участіи двухъ послѣднихъ лицъ и прикончилъ чернца Тимоея. Когда послѣдній „близовъ былъ къ смерти“ и просилъ напутствовать его въ жизнь вѣчную, безжалостные мучители отказали ему и въ этомъ послѣднемъ христіанскомъ утѣшеніи („того ему не допустили, а ни сповѣдника, а ни тайнъ Христовыхъ не казали дати“).

Самъ Серапіонъ Бѣльскій и исполнители его воли, не смотря на троекратное приглашеніе, на судъ не явились, и оправданій съ ихъ стороны мы не знаемъ, поэтому можно допустить нѣкоторое преувеличеніе въ принесенныхъ на нихъ жалобахъ; но въ существенныхъ чертахъ послѣднія должны быть признаны справедливыми: въ судебномъ опредѣленіи мы встрѣчаемся съ такими подробностями, которыя не оставляютъ въ этомъ сомнѣнія. Признается необходимымъ освященіе церкви и монастыря Никольскаго, какъ оскверненнаго черезъ введеніе въ него палача и совершенное здѣсь убійство; указывается мѣсто въ лѣсу, гдѣ закопано тѣло замученнаго чернца, и дѣлается постановленіе объ извлеченіи его оттуда и преданіи честному погребенію по иноческому чину.

Опредѣленіемъ духовнаго суда Лавры Серапіонъ Бѣльскій низвергался „з игуменства и строительства“ (и это было уже вторично), лишался священническаго сана, отлучался отъ церковнаго общенія съ братією и подвергался „затвору постничества.“ Для приведенія въ

исполненіе соборнаго опредѣленія о лишеніи Серапіона священства предположено пригласить „преосвященныхъ и Боголюбивыхъ архіереевъ.“ Въ случаѣ же сопротивленія никольскаго игумена означенному опредѣленію предполагалось предать его, „какъ противящагося Богу и власти старшаго,“ суду свѣтскому.—О Никодимѣ Силичѣ (который упоминается Іерlichemъ, какъ лицо, пострадавшее отъ Петра Могилы) въ опредѣленіи лаврскаго духовнаго суда, между прочимъ, говорится, что онъ „с потригу своего з монастыря Межигорскаго утѣвши, по разныхъ мѣсцахъ безчинно валался и волочился, а наконецъ, въ товариство злое тому Серафионову прилѣпившися, шеоду монастырви чинилъ, братію побиваль, и въ монастырю на братію стреляль.“ Онъ также за участіе въ убіеніи чернца Тимоѳея запрещался въ священнодѣйствіи и подвергался „затвору постничества.“ Подобному же наказанію подлежалъ Епифаній.

Приведенные факты, свидѣтельствуя о крайней распатанности нравственныхъ устоевъ игумена Серапіона Бѣльскаго и его единомышленниковъ, въ значительной степени уясняютъ отношенія къ симъ лицамъ со стороны Петра Могилы,—причемъ крутыя мѣры послѣдняго, примѣненные къ „безбожнымъ чернцамъ никольскимъ,“ утрачиваютъ ту излишне мрачную, неблагопріятную для нашего митрополита окраску, какая придается имъ въ упомянутыхъ нами современныхъ извѣстіяхъ.

Отобраніе у Серапіона Бѣльскаго Пустынно-Никольской обители вооруженною силою вызвало съ его стороны протесты относительно таковаго поступка Петра Могилы. Первѣе всего онъ обратился съ жалобою на митрополита къ кіевскому воеводѣ Яну Тышкевичу, который не только отнесся сочувственно къ бывшему никольскому игумену, но даже въ занятіи Могилою означенной обители усмотрѣлъ личную для себя обиду, нанесенную ему какъ гражданскому начальнику края (какъ воеводѣ) и, вслѣдствіе этого, *патрону* обители. Обида эта, по словамъ Тышкевича, тѣмъ болѣе для него оказалась чувствительною, что онъ въ свое время былъ въ числѣ лицъ, хлопотавшихъ о предоставленіи Могилѣ кіевской митрополи. Въ письмѣ къ послѣднему, указавъ на допущенное имъ при отобраніи монастыря жестокое обращеніе съ никольскими иноками (что отнюдь несвойственно духовному званію и чего не позволяли себѣ прежніе кіевскіе митрополиты), воевода вмѣстѣ съ тѣмъ упрекаетъ Петра Мо-

гилу и за незаконное отобраніе „добръ“, принадлежащихъ уніатско-му митрополиту (разумѣются „добра“, принадлежавшія кіево-софійскому собору и другимъ старо-кіевскимъ церквамъ), и совѣтуетъ, ссылаясь якобы на распоряженіе короля, все, незаконно забранное, возвратитъ по принадлежности ⁶⁰).

Разумѣется, Петръ Могила, имѣя сеймовое соизволеніе на подчиненіе своей власти Пустынно-Никольской обители, не послѣдовалъ совѣту Тышкевича. Тѣмъ не менѣе, протесты Бѣльскаго и вмѣшательство въ это дѣло кіевского воеводы побудили митрополита обратиться къ королю съ просьбою о низложеніи Серапіона съ никольскаго игуменства и свѣтскою властію, что Владиславомъ IV и было исполнено чрезъ своего секретаря, пана Киселя, который въ концѣ 1633 года Бѣльскаго съ означеннаго „игуменства декградovati рачиль“, т. е. прочелъ въ присутствіи никольскихъ иноковъ грамоту объ этомъ короля. Послѣ сего состоялся новый выборъ никольскаго настоятеля, павшій на ближайшаго сподвижника Петра Могилы, намѣстника Кіево-печерскаго монастыря Филоея Кизаревича съ оставленіемъ за нимъ,—какъ видно изъ тоговременныхъ документовъ,—и прежняго знанія. Выборы эти были обставлены весьма торжественно; подъ актомъ „елекціи“ мы находимъ подписи: Исаакія Борисковича, (бывшаго) луцкаго епископа, игуменовъ монастырей Кирилловскаго и Межигорскаго, кіевского протопопа, какъ представителя капитулы кіевской, профессоровъ кіево-братской школы и многихъ, какъ чиновныхъ, такъ и нечиновныхъ иноковъ разныхъ монастырей ⁶¹). Подобная торжественная обстановка показываетъ, что факту избранія игумена въ Никольскій монастырь придавалось особенное значеніе, что едва ли не слѣдуетъ поставятъ въ связь съ тѣми волненіями, при которыхъ состоялось удаленіе съ игуменства Бѣльскаго. Безъ сомнѣнія, въ виду означенныхъ волненій, П. Могилою испрошена была около этого времени (22 января 1634 г.) особая королевская грамота къ кіево-никольскимъ инокамъ съ наказомъ о повиновеніи кіевскому митрополиту ⁶²).

⁶⁰) Настоящаго изслѣд. т. I, *прилож.* № ХСII.

⁶¹) *Ibid.* *прилож.* № ХСIII.

⁶²) Описаніе документовъ Архива западно-русскихъ уніатскихъ митрополитовъ. Сиб. 1897 г., т. I, № 638, стр. 235.

Но Серапіонъ и послѣ этого не хотѣлъ отказаться отъ своихъ правъ на никольское игуменство и, по прежнему находя сочувствіе своимъ притязаніямъ въ лицѣ кіевскаго воеводы, началъ противъ Петра Могилы судебный процессъ. Главнымъ основаніемъ для процесса служило то обстоятельство, что Серапіонъ Бѣльскій имѣлъ отъ прежняго короля Сигизмунда III „привилей“, которымъ никольское игуменство предоставлялось ему пожизненно и, такимъ образомъ, послѣдующія распоряженія свѣтской власти являлись какъ бы нарушеніемъ того значенія, какое въ Польской Коронѣ присвоено было подобнымъ государственнымъ актамъ. Процессъ начатъ былъ въ кіевскомъ градскомъ судѣ; затѣмъ дѣло перенесено было въ Люблинскій Коронный Трибуналъ, а отсюда, наконецъ, перешло на сеймъ 1639 г., во время котораго и состоялось безповоротное рѣшеніе въ пользу Петра Могилы. Независимо отъ присужденія позванной сторонѣ (т. е. нашему митрополиту и кіево-печерской капитулѣ) никольскаго монастыря со всѣмъ его имуществомъ и привилегіями,—судьями опредѣлено было самое тяжкое наказаніе „сторонѣ“, незаконно начавшей процессъ: Серапіонъ Бѣльскій и его бывший намѣстникъ Сильвестръ Кгалензовскій присуждены къ тюремному заключенію въ теченіе 12 недѣль, штрафу въ казну и вознагражденію „позванной сторонѣ“ въ количествѣ 50,000 золотыхъ польскихъ. А такъ какъ означенныя лица—Бѣльскій и Кгалензовскій—лично на сеймъ не явились (уклонились отъ суда) и такимъ образомъ не могли немедленно подвергнуться послѣдствіямъ состоявшагося опредѣленія и внести положенную на нихъ пеню, то объявлены были *банитами*, т. е., лишенными чести, правъ гражданства и покровительства законовъ,—какое опредѣленіе (декретъ инфаміи) возный кіевскаго воеводства „на ратушу кіевскомъ при згроможенію вѣлу людей, голосомъ вынеслымъ обволалъ и публиковалъ, абы с преречонными отцемъ Сильвестромъ Кгалензовскимъ и отцемъ Серафіономъ Бѣльскимъ, игуменомъ бывшимъ монастыря Микулскаго Кіевскаго, яко инфамисами одсужонными, жадного сполку а ни обцованя не мели, рады и помочи онымъ ни вчомъ не додавали, въ домахъ и матнностяхъ своихъ не переховывали, але се с ними, яко инфамиссами одсужонными, во всемъ водле срокгости правъное заховали, подъ винами в праве посполитомъ описанными 63).

Историческая справка. т. I

63) *Дѣла, прилож. № С.*

Мы съ особеннымъ вниманіемъ остановились на прискорбныхъ столкновеніяхъ Петра Могилы съ своимъ предшественникомъ по митрополіи и непокорными иноками Пустынно-Никольскаго монастыря во главѣ съ ихъ игуменомъ,—съ особеннымъ вниманіемъ остановились главнымъ образомъ потому, что столкновения эти всегда служили и служатъ (особенно столкновения съ Исаеѣй Копицкимъ) средоточнымъ пунктомъ, около котораго вращаются сужденія изслѣдователей при оцѣнкѣ нравственной стороны дѣятельности Петра Могилы, причемъ для почитателей его памяти они представляютъ значительный камень преткновенія, устраняемый иногда посредствомъ крайне ненаучныхъ, даже наивныхъ пріемовъ⁶⁴⁾, а для лицъ съ предвзятымъ предубѣжденіемъ относящихся къ дѣятельности нашего митрополита и стремящихся накинуть на оную тѣневую окраску—главную опору для ихъ пристрастныхъ по сему предмету приговоровъ. Разумѣется, общеизвѣстно, что великіе люди имѣютъ иногда и великіе недостатки, а поэтому не недопустимо, что недостатки присущи были и нашему митрополиту. Но тѣ основанія, на которыхъ преимущественно покоились сужденія о нравственныхъ недостаткахъ Петра Могилы, оказываются далеко непрочными, и мы не можемъ не чувствовать удовольствія, что непрочность эта въ настоящее время можетъ быть доказываема путемъ научнымъ.

⁶⁴⁾ См., напр., *Аскоченскаго*, „Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ—Академією“, т. I, стр. 118 и слѣд.